

**Алексей Калинин
Василий Высоцкий**

**СЛУЖБУ
СОВЕТСКОМУ
СОЮЗУ**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Калинин

Служу Советскому Союзу

«Автор»

2023

Калинин А.

Служу Советскому Союзу / А. Калинин — «Автор», 2023

Мой путь к военной пенсии был сорван засадой террористов. Зато за каким-то чертом меня забросило в 1972 год. Ранняя осень, студенческая пора и... отец, рядом с которым я оказался. Я отца помнил боевым и храбрым, а мне повстречался слабый соплежуй. Похоже, что пришла пора заняться его воспитанием и сделать так, чтобы он превратился в человека, полного достоинства и чести!

© Калинин А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алексей Калинин, Василий Высоцкий

Служу Советскому Союзу

Глава 1

Бездонное небо особо красиво, когда наблюдаешь его с нагретого бока БТР-82А. Редкие облака перышками пролетают над выжженной сирийской пустыней. Песок скрипит на зубах, а жаркий ветер приносит не прохладу, а очередную порцию зноя.

Верный Калаш чуть покачивается в руках. Он тоже горяч, как и оболочка машины. Сказать по правде – тут всё нагрето так, что можно запросто жарить яичницу. Да, взять три яйца, разбить их на броню и подождать пять минут. Кушать подано, господа русские воители! Вот вам ещё горсть песка в яичницу вместо специй. Жрите, не обляпайтесь!

Безжалостное солнце с упорством игольщика продолжает уничтожать всё, что попадется ему на глаза. Даже в тени его лучи отражаются от вездесущего песка и нагревают, нагревают, нагревают сухой воздух.

– И вот моя маманя напрочь заколебалась ругаться с теткой Матроной. Она уже и так, и сяк, и наперекосяк, а та всё одно талдычит – куры глупые, они сами в огород лезут. Ни одна доска их не удержит, как бы я понизу не укреплял. Надо было, с другой стороны, тоже заклад ставить! – полукричал-полуговорил мне в ухо Серега Смирнов, позывной Сверчок. – Мамка уже обещалась им бошки пооткручивать, а тетка Матрона тогда грозилась в суд подать. В общем, бодались они с утра и до вечера. На их концерты полдеревни собиралось. А чо? Бесплатный цирк, поржать можно тоже...

– И ты позволял мамку забижать? – спросил я.

Ещё двое бойцов лениво прислушивались к нашему трепу, сидя на другой стороне летящей по пустыне машине. Мои орлы! Звери! Бойцы, которых я лично вымуштровал. Слепил из теста булатные мечи.

– Товарищ майор, а что мне оставалось делать? Тетка Матрона могла наш БТР на ходу одной левой завернуть. А вот что до «забивать»... Тут как получилось-то... В общем, я тогда Сунь Цзы читал, про военное дело и вообще. Вот и подговорил маманю на спецоперацию, – Сверчок сделал театральную паузу.

Рядом с нами приутих ветер, как будто присел рядом на бронированный корпус и прислушался. Ветру только сигаретки не хватало прикурить, чтобы стать похожим на бравых вояк, какими были мои бойцы.

Небольшая часть моего батальона в количестве семи человек возвращалась в базу Хмеймим после инспекции Аль-Буди. На рассвете там были слышны выстрелы, вот нас и направили для разбирательства. Как оказалось, это повздорили два местных аксакала. Повздорили из-за какой-то херни, вроде один у другого украл лопату. Второй отказывался и говорил, что в глаза её не видел. Но когда глотки от ругани оказались сорванными, то один из них выстрелил в воздух. Второй тоже громко показал наличие оружия. Обошлось без жертв, но мы для приличия отобрали у обоих пистолеты, а взамен оставили воду.

Понятно, что не сегодня завтра у обоих снова окажется оружие, но... Не убивать же этих седобородых старцев, которым уже не хватает слов для выражения эмоций. Тем более, что скоро и я стану похожим на этих аксакалов. Уже решил, что «сирийская командировка» станет моей последней. Дальше возвращение домой и выход на пенсию.

Хватит. Мне уже почти пятьдесят. Я воин-переросток. Майор Семен Михайлович Ерин. Мотострелковые войска. В нашей семье я второй, после отца, кто выбрал своей стезей военную

карьеру. И быть бы мне подполковником, а то и полковником, но... Я не умел сдерживать эмоций, когда передо мной творилась грязь и несправедливость.

А в Сирии этой грязи хоть ложкой ешь!

Достало всё это. И эти дразги, и эти выстрелы, и эти случайные, глупые смерти. Я потому и выбрался из недр душной базы, чтобы немного развеяться. Потому что всё обрыдло и всё достало. Но даже ссоры стариков раздражали. Вот жеж, все мудя седые, а они стрельбу из-за чухни затеяли...

Вот как раз на эту тему и Сверчок начал рассказывать свою историю. Сказал, что она похожая на ситуацию двух аксакалов и очень нравоучительная.

Когда пауза затянулась, один из бойцов, Михаил Мареев с позывным Кострома, сильно выделяя букву «о» в словах, проговорил:

– Да не тяни кота за яйца. Чово там дальше-то было?

– Вот! – поднял вверх палец Сверчок. – Как раз в яйцах-то всё дело и было! Я купил в магазине лоток белых яиц, да и разложил их по огороду. А уж утром, когда многие деревенские пошли на работу, выпустил маманю на диверсию. Она пошла с корзинкой на сборы и так громко начала приговаривать: «Ох, до чего же крупные яйца несут куры у Матроны! Прямо страусиные!» Конечно, весть о курином предательстве дошла до ушей тетки Матроны почти сразу. Она выскочила на двор и давай орать, мол, отдавай мои яйца! Мои это куры и яйца мои!

Сверчок показывал это в лицах, махая руками и один раз едва не нагнувшись с брони. Хорошо ещё я вовремя поймал.

– А маманя ей в ответ дулю показывает, мол, что на моём огороде, то всё моё. Опять концерт по заявкам, опять половина деревни на ушах, но... Люди у нас справедливые – сказали, что раз куры беспределят на мамкином огороде, то всё, что они сотворят – мамкино. Будь то навоз или яйца. Тетка Матрона покудахтала-покудахтала, да заколотила забор со своей стороны. Жадность оказалась сильнее. Теперь мамкин огород ни одна крылатая стерлядь не топчет, – под общий хохот закончил Сверчок.

Я хлопнул Сверчка по плечу. Ведь хотел рассказать нравоучительную историю, а рассказывал о том, как развел старую тетку.

Колеса БТРа наматывали километры сухого песка на резину. Впереди и позади была всё та же серо-желтая равнина.

– Кстати о птичках. Над нами уже минут десять стервятник кружится, вы не заметили? – крикнул Кострома.

– Где? – я тут же напрягся.

Вряд ли птица будет десять минут лететь за машиной. У неё и поинтереснее дела могут найтись.

– А вон, – Кострома ткнул пальцем в сторону юго-востока.

Там, среди мелких перистых облаков, маячила одинокая точка. Я схватил кофр, вытащил бинокль.

– Твою же мать! Это же «птичка»! – рявкнул я. – Приготовиться!

Не успел я прокричать команду, как послышался противный свист и в броню БТРа со стороны Костромы влетел снаряд.

Меня отбросило в сторону. Взрывная волна смяла тело, как будто оно было из пластилина. И вместе с тем эта волна спасла меня от второго взрыва, уже с нашей стороны. Я видел, как на почерневшую броню брызнула алая кровь...

Засада!

Черт побери! Нас вели, а я позволил себе расслабиться! Позволил потерять бдительность!

А теперь...

Теперь всё тело превратилось в один сплошной комок муки. Оно пылало от боли, как подбитый БТР. И в то же время я ещё был жив.

Да, я видел сквозь пелену в глазах, что нижняя половина моего тела лежала рядом. Изуродованная, сломанная, вся в подпалинах. Даже берцы слетели...

– Есть кто живой? – вырвался из груди сип.

Мне никто не отозвался. БТР пылал, изнутри не доносилось ни звука. Куски того, кто недавно сидел на броне и белозубо ржал над собственными шутками, уже не вернутся к маме в деревню. Или вернутся в закрытом гробу.

Мой маленький отряд погиб. Из шести пацанов уже никто не вернется обратно.

И вскоре я присоединюсь к ним. Догоню их и мы пойдем туда, где уже не будет ни горя ни зла. Возможно, Сверчок расскажет ещё какую-нибудь байку по пути...

Умру здесь, на жарком песке... под палящим солнцем... Осталось чуточку потерпеть...

Я не дамся живым... Вот сейчас вырву чеку, отпущу рычаг и...

Но мне не удалось уйти спокойно. Я услышал шаги. Скрип песка под тяжелыми подошвами.

Кто это? Игиловцы? Я с трудом поднял слипшиеся веки.

Солнце обрисовало три фигуры в серо-зеленоватой одежде. Звездно-полосатые нашивки на рукавах... У двоих в руках ракетные комплексы... Встали надо мной... Улыбчивые, в голливудских черных очках...

– Янки? – просипел я.

– Факинг рашн, – сплюнул один из них.

– Слышь, янки, – я с трудом заставил язык ворочаться. – Гоу хоум, *ляди!

После этого я выпустил гранату из руки. Звякнул спусковой рычаг. Взрыв растворил в себе испуганные крики, жаркое солнце и такое далекое, синее небо. Небо, по которому всё также невесомо плыли перышки облаков.

Глава 2

Темнота. Вонь.

Вот два слова, которые приходят мне на ум прежде, чем в уши вторгаются звуки «чух-чух, чух-чух».

Да-да, темнота и вонь блевотни. Причем блевотни сивушной, исторгнутой совсем недавно. Такая вонь сама по себе залезает в нос, доходит до мозга и просит тело добавить в общую лужу. Вроде как брызнуть в общий котел...

Я выжил? Теперь где-то в больничке? Или в каком-нибудь зиндане для пленных?

Нет, в зиндане нет этих мерных «чух-чух».

Следом приходит боль. Я чувствую, что раскалывается голова. Она такая же тяжелая, как чугунное ядро для пушки. Или я и есть чугунное ядро для пушки?

А что? Переродился и теперь...

Чух-чух... чух-чух...

Дзиньк-дзиньк-дзиньк...

К мерному постукиванию колес добавился стеклянный звук. Так может дрожать в стакане ложечка. Даже не так... Этот звук шел от ложечки, которая была вложена в стакан, а тот в свою очередь покоился в подстаканнике!

Значит, я не пушечное ядро. Нет, не мог себе представить в одном месте пушечное ядро и стакан в подстаканнике. Значит, я что-то иное... А что?

– Вот вернусь домой и на завод пойду, – слышался откуда-то сверху полупьяный молодой голос. – Женюсь на Люське Трофимовой, в универ подам документы. А там инженером стану, дети пойдут... «Волгу ГАЗ-24» куплю... Недавно в журнале видел... Краси-ик-ивая...

Эммм, чего? Какую «Волгу»?

– Да всё ты свистишь, Сашка. Какая Люська? Она же в Ленинград усвистала учиться. Там себе найдет какого-нибудь профессора... А ты будешь к ней в гости приезжать. На «Аврору» смотреть и на Люську облизываться, – слышался другой, не менее пьяный голос. – Может даст тебе за сиську подержаться.

В Ленинград? Да он давно уже Санкт-Петербург!

– Чего? Какого профессора? – заворчал первый голос. – Да я лучше любого профессора! А ты чего подзуживашь-то, Серега? Чего подзуживашь? Вот сейчас залеплю тебе в лобешник, будешь знать... Давай лучше выпьем...

– А давай. Чего на сухую-то? Эх, снова спускаться...

Один за другим раздались шлепки, как будто на пол спрыгнули два тела. Не очень аккуратно спрыгнули, так как на меня повалился один из спрыгнувших.

О как! У меня есть тело! Я вообще не пушечное ядро!

– Чёрт! – прошипел упавший на меня человек, дыша перегаром. – На Сеньку грохнулся. Во, он даже не очнулся! Ну и дрыхнуть! Эй, Сенька! Эй, пить будешь?

Меня потрясли, но я сделал вид, что сурикат и прикинулся мертвым. Надо пока оглядеться, а уже потом решать – что к чему. Как раз начали разлипаться веки. Похоже, что на ресницах выложили по лопате гноя и теперь придется постараться, чтобы их продрать.

– Да оставь ты его. Он как с верхней полки навернулся, так всю башку себе напрочь отшиб. Как бы дурачком не остался. На фиг он нам такой в общаге-то спонадобится? Будет ещё ссаться с верхней койки! – остановил второй.

Послышалось звяканье, какое издает бутылка, которую прислоняют к стакану. Дальше пошли бульки. Семь бульков... Значит, бутылка делится на троих.

– А может Ерина толкнёт? Вдруг будет? Ну на двоих-то до хрена...

Ерина толкнёт? Меня же только что толкали!

Я всё-таки с трудом разлепил веки, но оставил их прикрытыми. Беглый осмотр дал немного информации – я в плацкарте поезда. На нижней полке. Напротив лежит, накрытый простынкой человек, а ещё двое молодых пацанов застыли с поднятыми стаканами. Оба в майках-алкоголичках и трениках с завязками под пятку.

Один вихрастый, рыжий, как лисенок из мультика. И мордочка такая же хитрая, просящая кирпича. Второй же был русоволосый, стриженный под полубокс. Лица я не видел, так как сидел на моей полке спиной ко мне.

В окне напротив проносится зеленый лес. Судя по елкам и березкам – где-то на средней полосе России. На столике пара пустых бутылок из-под водки. Вот только я такую водку никогда не видел. Сами бутылки были похожи на пивные, а на светло-зеленых этикетках было просто слово «водка». С витиеватым вензелем под словом.

– Подорожала, конечно, водочка-то, – сказал тот, который сидел на моей полке. – Уже три шестьдесят две стоит. Но это если бутылку не сдавать...

– Ага, и продают только после одиннадцати. Знаешь шутку про ленинский завет на одиннадцать?

– Какую шутку? А это, мол, Ленин завещал продавать после одиннадцати. Вот если юбилейный рубль ко столетию Владимира Ильича положить на часы так, чтобы голова вождя смотрела на двенадцать, то вытянутая рука как раз будет показывать на одиннадцать. Всё по завету. Вот у тебя есть юбилейный?

– Нету, – вздохнул рыжий. – Так что проверить не удастся.

– Как будет – так проверь.

– Ерин! Ну, Ерин! Бухать будешь? – толкнул рыжий второго лежащего. – Вот, я тебе «коленвал» уже разлил. Нам как раз третьего нужно!

Коленвал? Что за коленвал?

На зов повернулся лежащий молодой человек. Сквозь сомкнутые ресницы я наблюдал за тем, как он поднял черноволосую взлохмаченную голову, посмотрел мутными глазами на одного, потом на другого, перевел взгляд на протянутый стакан. Похоже, что именно в этот момент запах от жидкости достиг ноздрей моего однофамильца, а потом он нагнулся над полкой.

«Его не удержишь рвало на Родину...» – вспомнился мне финал рассказа про Штирлица.

– Да етить твою мать, Ерин! Откуда же в тебе только берется? Всё же недавно выблевал! Сейчас-то откуда взялось? – воскликнул рыжий, отскакивая в сторону.

– Ну вот, фонтан имени Дружбы Абитуриентов снова можно считать открытым, – ото двинулся и второй, который сидел на моей лежанке.

Пока другие смотрели на лежащего, я тихонько извлек из-под простыни руку и уставился на неё.

Вот же ж жеванный каблук!

Моя рука выглядела настолько молодой, что даже волосы на запястье только начали пробиваться. Это после шерстистой лапы почти пятидесятилетнего мужика?

Похоже, что я один из тех, про кого снимают фильмы. Что-то вроде «Янки при дворе короля Артура»? Только тут ни хрена не королевский двор!

А я молод и полон сил?

– Что тут у вас? – послышался возмущенный женский голос, который явно только набирал обороты. – Опять весь вагон провоняете, а мне потом по башке получать? Что за молодежь-то сейчас пошла? Ни пить, ни есть не умеют! Ну всё, я пошла за нарядом. Ссодют вас на ближайшей станции, тогда будете знать!

Возле наших мест остановилась, уперев руки в боки, очень большая женщина. На мясистых боках натянулась ткань, угрожая треснуть от распирающего возмущения. Такая мадам

запросто может стоять на рынке и торговать мясом. Причем будет сама рубить куски и при этом у неё не возникнет никаких проблем. Топор в её ручищах будет выглядеть игрушкой.

– Да уж, как только в комсомол таких берут? – послышались возмущенные голоса других пассажиров.

– И ведь ни капли не стесняются! Пьют при всех!

– Где там наряд?

– Тетенька проводница, – жалостливым голосом отозвался рыжий. – Не надо наряд. Мы же тогда не доедем до Москвы...

– А мне-то что за напасть? Наперед надо было думать! Для вас государство всё делает, а вы блевотню в общественном месте развели! Другим пассажирам мешаете! – громкость возмущенного голоса начала набирать обороты. – Четыре парня, здоровые, как Поддубный, а поди же ты – пьянкой увлеклись!

Тетка явно привыкла брать нахрапом и зашибать голосом пьяненьких пассажиров. Чувствуется богатый опыт за спиной. А тут ещё и остальные пассажиры начали подтягиваться, чтобы добавить всплесков в изрыгаемую волну возмущения.

– Ух да, один вон как навернулся с верхней полки, так и дрыхнет уже полчаса. Может их всех с верхней полки навернуть? – вылезла плешивая голова какого-то старца из-за правого плеча.

Это он явно про меня. Вроде как я грохнулся с полки.

– А ещё комсомольцами себя называют. Да такой комсомол гнать надоть мётлами грязными! И в партию не допускать! Вот пусть знают, как это в общественных местах водку жрать! –

И ведь будет права проводница, если ссадит пьяный молодняк на станции. Права и я был целиком на её стороне. Молодняк заслужил подобное отношение к себе. Вот только... только тогда и меня вместе с ними спустят, ведь я вроде как сейчас четвертым числился.

Я ещё не вполне понял, кто я и где я, не вполне разобрался в ситуации, но понял только то, что ребят надо выручать. Ведь они меня считали другом, а у нас как...

Сам погибай, а товарища выручай!

Вон как эти двое ухарцев поникли. Даже тот, кого называли Ериным, потух. Опустили глазки в пол и доверились грозной судьбе в темно-синем костюме. Ещё немного и их без наряда выкинут с поезда.

Надо было брать судьбу друзей в свои руки. Мне достаточно было того, что отчасти по моей вине погибли ребята с БТРа.

– Грррражданка проводница! – бодро вскинулся я, принимая сидячее положение на лежанке. – Прошу вас проявить сознательность и выбросить нас ко всем чертям вместе с нашим барахлом!

Как я и ожидал, моё неожиданное вступление сыграло в как нельзя лучше. Люди отпрянули, даже мои соседи по лежанкам удивленно захлопали глазами. Даже Ерин перестал содрогаться, а начал прислушиваться.

Неожиданность – лучшее, что может быть для атаки. Если ребята защищались, то я пошел напролом. Ведь хуже уже не будет, а лучше можно сделать. Притом не упускать темпа.

Надо было развивать наступление, и я продолжил:

– Нам нет оправдания! Никакая смерть не стоит того, что мы тут натворили!

– Какая смерть? Чего ты несешь, парень? – удивленно захлопала глазами проводница. – Кого убили?

– Убили? Кого-то убили? – понеслось дальше по вагону.

Вот же ж жеваный каблук! Если сейчас не рывкнуть, то поднимется паника.

– Никого не убили!!! – проорал я, вскакивая и едва не поскальзываясь на дурнопахнущей луже. – Собака сама умерла! От старости!

Вляпался-таки! Да и хрен с ним, потом отмоюсь.

Меня чуточку повело в сторону, но я удержался. И выпрямился, слегка оглядев себя. Майка-алкоголичка на тощих плечах, трусы-семейники едва не достают до коленей. Ноги-спички, грудь впалая. Да я что – живое воплощение Кощея, что ли?

Ладно, потом со своим видом разберемся. Были бы кости, а мясо на них нарастить я умею.

– Какая собака? – продолжала хлопать глазами проводница, оглядываясь на пассажиров.

– Бобик! – я вытянул руку и показал размеры упомянутой собаки. Получилось что-то вроде годовалого теленка. – Вот такая вот дворняга! Его всем селом любили. Прямо сто килограммов сплошной доброты. И ведь помер как раз перед отъездом. Наш-то ветеринар дядя Вася так и сказал – не вынесло, мол, собачье сердце расставания. Он уже старенький был, потому и сдох.

– Дядя Вася? – спросил плешивый старичок.

– Зачем дядя Вася? – удивленно посмотрел на него я. – Бобик! Такой мировой пес был, что с ним детей купаться запросто отпускали. Он даже однажды Ерина вытащил из речки. Того течением затянуло, барахтаться начал, мы-то мальчишками по берегу прыгали, а сделать ничего не могли. А Бобик прыгнул в воду, доплыл до Ерина, да и вытащил его наружу. Вот какой пес геройский! А вы говорите...

– А я чего говорю? – снова захлопала глазами проводница.

Даже тот, кого называли Ериным, выглядел офигевшим. Он уже забыл о рвотных позывах и слушал, как я расписываю его несуществующую прошлую жизнь.

– А вы ругаетесь! И вы ругаетесь! И вот даже вы! У человека горе! – продолжал я развивать свою фантазию. – А ведь пес однажды и меня вытащил из-под снежной бури, когда я на лыжах ногу сломал. Дотащил ведь! Не дал умереть в густом лесу!

Я подпустил в голос слезу:

– Так потому и пьет мой друг, чтобы горе залить. Ведь такое существо умерло! Такое существо! Дворняга, а добрее человека! Да, не рассчитал Ерин количество! Так это же слишком большое горе, расчувствовался, бедолага, не рассчитал силы! Но кто из нас в столь юном возрасте не принимает всё близко к сердцу? Вот вы, дедушка? Вы помните свою юность?

– Помню, сынок, – вздохнул плешивый дедок. – Помню. И как родные умирали, помню... И горечь помню. До сих пор иногда среди ночи вскакиваю, как время после революции вспомню.

Он опустил голову и отошел на своё место. Я понял, что перегнул слегка палку. Не надо было деда трогать. Но уже поздно метаться. Потом подойду и извинюсь от души. Сейчас же нельзя было сдавать позиций.

– Вот и у моего спутника тоже случилось горе. Несравнимое ни с чем, ведь мы так мало в этой жизни видели. Уход собаки... верного товарища и друга... Люди, это трагедия. И у меня к вам только одна просьба, – я притушил голос и среди возникшей тишины произнес: – Понять и простить...

Рядом слышалось всхлипывание. Ерин плакал пьяными слезами, размазывая влагу из глаз вместе с соплями по лицу.

– Ты чего? – буркнул я.

– Собачку... ж... жалко-о-о, – прохныкал тот в ответ.

И так убедительно у него это получилось, что сердце могучей проводницы дрогнуло. Она шмыгнула носом, оглянулась на пассажиров, потом пробурчала:

– Уберите тут всё. Чтобы через пять минут ничего не было.

– Да какие пять минут? Мы тут за минуту управимся! – вскинулся я весело, схватил с верхней полки твидовый пиджак и бросил его на пол. Прямо в самую лужу. – Вот прямо сейчас всё и исправим!

Проводница покачала медной проволокой, какая у неё была вместо прически, после чего царственной походкой двинулась дальше по проходу.

– Это мой пиджа-а-ак, – прохныкал Ерин.

– Ага, а это твоя рвота. Сможешь сам убрать? – прошипел я.

Он попытался подняться, но руки не держали. Пришлось даже ловить его, чтобы не упал вниз. Я оглянулся на остальных двоих:

– Хрена ли встали? Помогайте убирать. Ты выброси всю водку, а ты вытирай и в туалете споласкивай.

На меня недоверчиво посмотрели. Я поджал губы и постарался взглянуть таким взглядом, каким смотрел в своей роте на борзеющих салажат. Как будто вот сейчас вскочу и начну метелить без остановки.

– А чего ты раскомандовался-то? – всё-таки пробурчал рыжий. – Чего тут указываешь-то?

Эх, и почему эти рыжие порой ведут себя так, как будто у них сорок запасных жизней по карманам распахано?

– Потому что я только что спас наши жопы от высадки с поезда. Но опасность ещё не миновала. Если мы всё не уберем, то будем куковать до следующего поезда. Когда там будет следующий поезд? – как можно рассудительнее ответил я.

Рыжий почесал голову, а потом кинулся убирать водку со стола. Дошли до него мои слова. Второй, русоволосый, которого недавно называли Серегой, сморщил нос, но всё-таки начал подтирать пол.

Я же натянул трико, нашел отлетевшие тапки и начал поднимать Ерина с лежанки. Не сказать, что это была веселуха, так как у моего тела силенок вообще было с гульки... нос. Однако, с горем пополам я всё-таки придал ему горизонтальное положение и повел в сторону тамбура.

От нас старались отодвинуться подальше, как будто мы были прокаженными, а вовсе не молодыми и красивыми. Взгляды были разными, от откровенно презрительных, до насмешливых. А вот обстановка...

Похоже, что я попал в другое время. Если тут Санкт-Петербург называют Ленинградом. Если водка по три рубля шестьдесят две копейки. Если окна не округлые, а квадратные, с деревянными рамами, то это явно прошлое.

Пока мы шли, я наткнулся глазами на газету в руках одного из мужчин. На главной странице был написан заголовок газеты «Советская культура». Чуть левее шла надпись: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Но вовсе не это привлекло моё внимание. Я уставился на дату под надписью о пролетариях. Там стояло обозначение: «Вторник, 22 августа». И рядом в черном кружке цифры – 1972.

– Извините, что отвлекаю, вы эту газету на полке нашли? – на всякий случай спросил я.

Мужчина смерил меня взглядом, повел носом, сморщился и ответил брезгливо:

– Вот ещё. На какой полке? Я на прошлой станции купил за три копейки. Если рыбу почистить не на чем, то и не надейтесь. Я не дам.

– Нет-нет, нам не надо. Извините ещё раз, – улыбнулся я во все тридцать три зуба.

Значит, на дворе 1972 год. Получается, что я вернулся почти на пятьдесят лет назад. И вот этот вот пьяный чувачок в моих руках по фамилии Ерин...

– Слушай, друг, а как тебя зовут-то? – спросил я.

Сейчас, когда Ерин собрал глаза в кучу и уставился на меня, я смог его рассмотреть.

– Сеня, ты... ик... так сильно башкой ударился, что... ик... всё забыл? – уставился на меня молодой парень, очень сильно напоминающий моего отца в юношестве.

Вот прямо как слизан с фотографий студенчества. Из той поры, когда он был на выездах на обязательную картошку. Когда был с гитарой посреди друзей. Когда стоял и улыбался в камеру рядом с моей будущей мамой.

– Да, тут помню, тут не помню, – отмахнулся я. – Так что, как тебя зовут-то?

Глава 3

– Михаил, – проговорил тот и зажал рот рукой. – Ой, снова подкатывает...

Мишка, значит...

Нет, ну есть же ещё шанс, что это вовсе не то, что я думаю. Небольшой шанс, но всё-таки есть. Иначе... Иначе будет очень весело и весьма интересно.

Мимо нас промчался Сергей, который нес дурнопахнущую тряпку в сторону туалета. Мы почти дошли до тамбура, когда Сергей вылетел и понёсся обратно. С тряпки, которая недавно была пиджаком, капали полновесные капли. Они шлепались на вытертый тысячами подошв линолеум и разлетались веселыми брызгами.

– Держись, Мишка, мы уже почти дошли, – шепнул я и поднатужился.

Оставшиеся метры мы преодолели чуть ли не ползком. Мне почему-то вспомнилось, как вот примерно таким же образом я вытаскивал с поля боя младшего лейтенанта Изотова. Ему осколками прилетевшей мины перебило ноги. Кругом взрывалось, мельтешило, было всё в дыму. Пули свистели рядом, по окопам и взгоркам с хохотом скакала безногая с косой, а я тащил. Изотов только стонал изредка сквозь стиснутые зубы, а я тащил. Тащил и тащил в сторону наших. Потому что не мог иначе. Потому что...

Потому что потому!

Мы дошли до тамбура. Там курили два парня ушловатого вида. Таких можно встретить на рынках или около крупных магазинов. Такие и карманы помогут облегчить от налички, и сумочки от лишнего груза не постесняются освободить. Заботятся о гражданах и их диете...

Они посмотрели на нас так, как смотрели бы на пасущихся коров. Вроде пасутся на лугу, а вроде и плевать, что пасутся. Я же открыл дверь туалета и поморщился. Да уж, это чудо сантехники было то ещё по красоте.

Толчок из нержавеющей стали потускнел, в насечках на бортике (для восседания гордым орлом) скопилась несмываемая грязь. На стене выпарапано ножом матерное слово из трех букв. Его пытались закрасить, но оно пятном Кентервильского привидения неизменно проступало сквозь слои. Рукомойник был не лучше. Что-то мне подсказывало, что некоторые пассажиры не стеснялись использовать его вместо писсуара. Запахи испражнений с трудом перебивались резким ароматом хлорки.

Да уж, видок и запах тот ещё. Меня самого едва не стошнило.

Я с трудом протиснул внутрь Михаила и начал приводить его в порядок. Как протрезвить человека в пьяном виде? Да всё очень просто. Надо сперва сделать промывание. Заставить выпить как можно больше воды, а потом нагнуть над унитазом и приказывать вызывать Ихтиандра. При необходимости процедуру повторить два раза. Потом умыться, растереть уши и о души нахлопать по щекам.

Никому не рекомендую повторять данную операцию, если нет особой необходимости. Если же у вас есть товарищ, которому вы давно мечтали надавать по щам, то напоите его и проведите подобную экзекуцию. Удовлетворение по меньшей мере вам гарантировано.

В процессе отрезвления Михаила я в мутном зеркале поймал своё нынешнее отражение. Не сказать, что красавец, но и уродом назвать нельзя. Худой парнишка из тех, что имеет славянскую внешность. Волос черный, нос прямой, цвет глаз карий. Над верхней губой зачатки усов. Явно их ни разу не касался бритвенный станок.

Мда, неприятно осознавать себя в таком теле, но что же делать? Вот с таким материалом и будем работать. Если про меня говорили, что я упал и ударился головой, то на это и надо надавить. От этой печки и начнем пляски.

Пока я так размышлял, Михаил более-менее пришел в себя. Вид у него был тот ещё, но для сельской местности сойдет. В процессе отрезвления к нам ещё раз вломился Сергей,

как мог постирал пиджак и кивнул, мол, всё в порядке. Я кивнул в ответ. Как раз в это время держал Михаила над потеками унитаза, чтобы тот не нырнул в головой при резкой качке.

Ещё пацанами в школьном туалете курившие тут же старшаки спрашивали у забредших младших: «А ты умеешь ссать в поезде?» И если младший класс мотал головой, то толкали в спину со словами: «Учись, малой, всегда пригодится!» После этого со смешками наблюдали, как младшие с нытьем дергали ногами, пытаясь скинуть попавшие на брючины брызги.

Сейчас мне эта наука и в самом деле пригодилась. Я был как эквилибрист и дирижер одновременно. И всё это в страшной тесноте поездного туалета.

– Ну что, всё нормально? – спросил я, когда Мишка закончил в очередной раз извергаться в глубины нержавеющей.

– Ага. Всё нормально, – проговорил тот в ответ.

– Тогда умывайся, алконавт, да пойдем. Надо освобождать сральню, а то другим пассажирам тоже может прихотнуться.

С этими словами я нажал на педальку смыва. Клокочущий поток воды унес на рельсы результат Мишкиных потуг.

Когда мы вышли в тамбур, то там всё ещё курили два парня, которых я заметил в первый раз. Они что тут, целыми пачками выкуривают? В зубах были зажаты беломорины – такими особо не раскуришься, сходу можно легкие выплюнуть.

– Малой, а неплохо ты мадамке на жалость надавил, – просипел один из них. – Она аж сглотнула слезинку. Где так научился?

– В кружок театральный ходил, репку играл, – буркнул я в ответ.

Вот не вызывали они у меня никакого доверия. Отторжение вызывали, доверие – нет.

– А-а, ну-ну, смотри, как бы дедка с бабкой тебя не посадили, – чуть растягивая слова проговорил второй. – А то внучка с Жучкой замахаются передачи таскать.

Я ничего не ответил. Встревать с такими в разговор – лишний раз на себя привлекать внимание. Зацепятся – не отвяжешься.

Мы с Михаилом добрались до своего места. По пути глазом я зацепился за пассажира, который недавно сидел с газетой «Советская культура». На этот раз он растерянно водил карандашом по краю газеты и смотрел в окно. Привычка подмечать детали выхватила схематичное изображение самолета и крестик на правом крыле. Похоже, что пассажир был авиаконструктором или кем-то из летной братии. А может и просто так совпало.

На наших местах уже не пахло рвотой, зато воняло «Тройным одеколоном». Уж этот удушливый запах я не перепутаю ни с чем. Наш полкан... Наш командир части, полковник Тайбашев, любил этот запах. Как только аромат «Тройного» проносился по казарме, то у многих тут же срабатывал, как у собаки Павлова, рефлекс, и люди вытягивались в струнку. Поговаривали, что у полкана дома в погребке есть с десяток ящиков «Тройного». Мол, сделал себе запас до конца жизни.

Сейчас же тут явно извели половину флакона. Ещё и окно открыли, чтобы амбре по вагону распространилось.

– Ну что, друзья-товарищи, – бухнулся я на лежанку. – Рассказывайте, что тут и как?

Мишка тоже опустился на сиденье, виновато поглядывая на остальных.

– Сень, а чего рассказывать-то? – дернул головой рыжий.

– Во-первых, кто вы такие? Во-вторых, кто я такой? В-третьих, куда держим путь?

– Ты так сильно башкой ударился, да? – участливо спросил рыжий.

Я посмотрел на него, потом перевел взгляд на Сергея:

– Ты рассказывай, а наш солнечноволосый товарищ организует нам чай.

– Чего ты раскомандовался-то? – возмутился рыжий.

– Два сахара в каждом стакане, – безапелляционно обрубил я.

– Да ты чего?

– И лимончик постарайся организовать. Твоему другу и товарищу, – я показал на бледного Михаила, – нужно восстанавливать кислотно-щелочной баланс.

– Да ты...

– Мы сейчас ещё и вафли захотим, – отрезал я. – И печенье.

Рыжий с недовольным видом поднялся. Он пошарил в лежавших на верхней полке штанах и вытащил рубль. Тот самый желтоватый казначейский билет, на котором написано помимо рубля ещё «один карбованец, адзін рубель» и так далее. У меня такие ещё успели побывать в кошельке, пока не пошла Перестройка и все прилагающиеся к ней прелести жизни.

После изъятия купюры рыжий с оскорбленным видом процедил:

– Вообще-то, на его месте мог быть бы я.

– Напьешься – будешь! – на автомате отмахнулся я. – Ты ещё здесь? Твой друг умирает без чая и уже начинает думать про печенье!

Рыжий с бурчанием про зашибленную голову отправился в сторону проводницы. Я же повернулся к Сергею:

– Рассказывай.

Тот набрал в грудь воздуха, как перед нырянием в холодную воду, и начал говорить.

– Чего говорить-то? Ты вон какой злой стал. До того, как грохнулся, вообще был рохля рохлей. А теперь тебя даже Леха слушается.

– Ближе к делу, – скомандовал я.

– Вот о чем я и говорю, – буркнул Сергей. – Вообще резкий стал, как понос.

Я стиснул зубы и поиграл желваками.

– Всё-всё-всё, не раздувай ноздри. Меня зовут Серега Матвеев. Это Мишка Ерин, рыжий у нас Леха Забинин. Себя-то хоть помнишь, как зовут?

– Вроде Сеня, – ответил я.

– Семен Валерьевич Епифанов, – подал голос Мишка. – Это ты так перед девчонками представляешься.

– Ясно. Со знакомством мы всё пояснили. Куда едем?

– В Москву. Ты хоть родителей помнишь? Как они тебя собирали? – спросил Сергей.

– Вот этого не помню. Может позже что всплывет. А зачем мы едем в Москву? И откуда?

– Из Омска едем. Мы летом поступили в Военно-инженерную академию имени Валериана Владимировича Куйбышева. Едем обучаться по направлению от нашей школы. Мы все вместе выбрали факультет военно-промышленного строительства. Так что сдали экзамены в школе, скатались в Москву, подали документы, сдали вступительные экзамены, прошли дома курс молодого бойца и вот уже едем учиться. Ты что, вообще ничего не помнишь?

– Может, у него сотрясение мозга? – встрял Михаил.

Из Омска. И в Военно-инженерную академию. И Михаил Ерин. И похож...

Вот же ж жеваный каблук! Занесла меня нелегкая в далекие дали. Прямо как в фильме «Назад в будущее» какая-то там часть... И что теперь?

– Эй, Сень, у тебя есть сотрясение мозга? – тронул меня за коленку Сергей.

– Да было бы там чему трястись, – хохотнул рыжий по имени Леха, который в обеих руках нес по два подстаканника с горячим чаем.

Я вздохнул. Что же, будем разбираться по ситуации. Если я тут появился, значит сверху это кому-нибудь нужно.

А что? Когда кругом свистят пули и взрываются мины, то во всё что угодно поверишь. А когда увидишь своими глазами, как по минному полю проносится лихой джигит и ни одна падла не попадает ему под копыта, то невольно уверуешь в высшие силы.

Вряд ли я просто так занял чужое тело. Просто так даже кошки не рождаются.

– Садись, Алексей. Осторожно, не разлей! – скомандовал я.

– А чего если и разолью? Вытирать-то вон есть чем, – он скосил глаза на мокрый пиджак, который повесили у окна на просушку.

– А вот это ты брось. Ты разольешь, твоим пиджаком и вытрем, – отрезал я. – Каждый сам отвечает за свои косяки!

– Какие косяки? – Алексей огляделся. – Тут вроде и дверей нет.

– За свои ошибки, – поправился я. – Видно после ушиба слова сами собой заменяются.

Блин, а ведь между нами языковая разница почти в пятьдесят лет. Если я тут начну разговаривать как со своим личным составом, то меня через пень колоду будут понимать. Хорошо если отнесут это на счет падения. А если нет? Так и будут всю дорогу переспрашивать?

– Ой, а что с моим пиджаком-то? – встрепнулся вдруг Михаил. – Он испорчен?

– Да ну, – махнул я рукой. – Вечерком отстираешь. Дело-то житейское.

– Ага, отстираешь. Рвота же впитаться может. А знаешь, каково это – в холодной воде валандаться? – нахмурился Михаил.

– Знаю, Миша, знаю, – кивнул я в ответ.

Я в самом деле знал. И научил меня этому как раз Михаил Ерин, мой отец.

В конце девяностых годов я как раз поступил в институт. Так как с деньгами было туговато, то отец познакомил меня с директором Химлеспромхоза. Меня взяли на лето сборщиком живицы.

Что это за работа? На свежем воздухе, в постоянном движении. Мы были помощниками вздымщиков. Один вздымщик, применяя специальный инструмент-хак, обслуживал несколько тысяч сосен. Вздымщик размечал карры – места на стволе для добычи смолы, «подрумянивал» их, очищая от верхнего слоя коры, наносил разрезы-желобки и устанавливал воронки для сбора смолы. А также заправлял приготовленные им же химические стимуляторы в хак, чтобы из разрезов живица стекала активнее и быстро не зарубцовывалась.

А сборщики потом приезжали с ведрами, специальными ножами, похожими по форме на тупые мастерки. И вся работа сборщика заключалась в том, чтобы подбежать к дереву, при помощи ножа опустошить воронку засохшей живицы в ведро и вставить воронку на место. Как только ведро набиралось, то его тащили к стоящей двухсотлитровой бочке.

За смену как раз и надо было набрать такую бочку одному человеку. Бывали участки с хорошей поверхностью для бега, а бывали и заросшие, сквозь бурелом приходилось пробираться и продирать ведро.

Прибавьте к этому прелесть в виде комаров, клещей, слепней, дождей и гроз – получите примерное представление о работе в лесу.

И вот на такой работе я пробежал два месяца перед обучением. Зарабатывал на одежду и на первое время жизни в другом городе. Заработал тогда три миллиона. Не такие уж большие деньги, но зато на них я купил модную джинсовую куртку!

Ещё несколько сотен тысяч взял на вечеринку с друзьями. Пили дешевый самогон, закусывали огурцами, помидорами, бульонными кубиками «Магги». На колбасу уже не хватало. Но мы, молодые и ранние, похожие на этих четырех в плацкарте, решили тогда, что закуска градус крадет.

Когда же я на рогах пришел домой, аккуратно (как мне казалось) разделся и лег на кровать, то «прилетели вертолеты». Они и вынудили мой желудок опорожниться. Я не догадался тогда подставить тазик...

Свет включился и на пороге возник мой отец. Он посмотрел на меня, неторопливо снял новенькую джинсовку с крючка и бросил её на пол.

– Вытирай, – сказал тогда отец.

– Пап... ты чо... – пытался я поднять, но смог только промычать только невнятное что-то.

– Вытирай, иначе будешь ночевать в свинарнике.

И сказал он это таким тоном, что я сразу ему поверил. Я знал, что у нас нет свинарника, но откуда-то возникла уверенность, что отец найдет и бросит меня туда. Кое-как, с трудом, соплями и глухими проклятиями я привел комнату в порядок.

Только после этого отец позволил мне замочить джинсовку в тазу с водой. Он ещё сказал тогда нужные слова, которые мне врезались в память.

И вот сейчас, глядя в покрасневшие глаза своего молодого отца, я с некоторым злорадством произнес:

– Тряпки – это наживное. Ты можешь порвать – зашьешь. Ты можешь испачкать – постираешь. Ты можешь продать – и купить новое. А вот совесть ты не зашьешь, не отстираешь, не купишь новую. Замаранная совесть – это навсегда. Поэтому я так и сделал. И это будет твоим лучшим уроком – ты никогда больше такого не повторишь.

– Морализатор хренов, – прошипел Мишка.

– Морализатор, не морализатор, а эффект налицо. Хочешь ещё выпить? – спросил я.

Мишку передернуло, после чего он прильнул к стакану с чаем.

– Вот то-то и оно, – кивнул я в ответ. – Где мои вещи?

– Вон, коричневая, – показал Серега на верхнюю полку.

Я посмотрел на дорожную сумку из потертого кожама. Вещей немного, но надо бы посмотреть, что там внутри. Я встал, дернул за крупный язычок молнии. Небогатый набор вещей. Носки, трусы, рубашки, майки. На дне была небольшая баночка меда.

Что же, вполне сгодится. Я достал её и снова застегнул сумку.

– Ты куда это? – спросил Мишка, когда я забрал подстаканник и двинулся в сторону.

– Надо, – ответил я туманно.

Искомый дедок оказался в паре мест от нас. Он сидел и грустно смотрел на пробегающие мимо деревья, подперев рукой морщинистую щеку. Его соседями была грузная женщина и двое веселых мальчишек, один постарше, а другой помладше.

– Извините, пожалуйста, можно присесть? – откашлялся я.

– Зачем? – обернулся на меня старик.

– Вы извините меня за те глупые слова. Я не со зла их ляпнул. Сгоряча. Вот, угощайтесь, пожалуйста, – я поставил на столик стакан с чаем и баночку с медом. – Это самое малое, чем я могу искупить свою вину. Пусть оно слегка подсластит ту горечь, которую я доставил.

Старик посмотрел на мед, перевел взгляд на меня:

– Студенты?

– Да, – кивнул я охотно. – Едем в столицу. Вот, немного увлеклись свободой.

– Увлеклись... – вздохнул старик. – Ладно, забыли. Спасибо за мед. Пусть вон, ребята полакомятся. Марин, у тебя же сода есть?

– Изжога замучила? – подняла бровь женщина.

– Нет, ты дай вот ему. Сынок, ты скажи своему другу, пусть он пиджачишко-то посыплет. Так легче потом простирнуть будет.

– Чего ещё давать, – начала было женщина, но под взглядом старика осеклась и полезла в сумку.

Вскоре в моих руках оказался свернутый в несколько раз газетный пакетик. Отсыпали половину – не пожадничали.

– Спасибо вам от всей души. Хорошей вам поездки. И ещё раз извините, – сказал я и легонько щелкнул по носу одного из свесившихся пацанов. – Блямс!

Мальчишки засмеялись и забились под одеяла. Я же отправился к своим.

По приходу меня ожидал сюрприз в виде двух парней из тамбура. Они сидели на нижней полке, убрав постельное белье в сторону. Напротив них сидели мои спутники.

– А вот и ещё один пожаловал, – сказал курильщик, который растягивал слова. – Присаживайся, в ногах правды нет.

Глава 4

Ну вот, всё-таки привязались. И что им легко-то не жилось? Зачем до студентов решили докопаться?

– И снова здравствуйте, – ответил я. – Что тут происходит?

– Всего лишь дружеская беседа. Говорим о том, о сём... Правда, ребята? – подмигнул сиплый.

– Сень, они говорят, что во Вьетнаме были, – сказал Алексей. – Вот, шли мимо и решили поболтать.

Я оглядел парней. Вояки из них, как из шоколада кукуруза. Да и синие перстни на пальцах говорили о том, что тюремные шконки им больше знакомы, чем койки казарм.

Походу, вешают лапшу на уши моим спутникам, разводят на что-то.

На «что-то»... Понятно на что – на деньги. И это нищих студизуосов? Вот вообще понятий никаких.

– Ребята, у нас денег нет, – сразу же сказал я, присев на краешек лежанки. – Сами студенты, едем на учебу. Первая стипендия не скоро...

– А кто говорит о деньгах? – деланно удивился сиплый. – Не нужны нам ваши деньги. Мы так, боевым опытом поделиться. Вы же будущие вояки? Так чтобы и не рассказать, каково там, на войне?

Я чуть не усмехнулся. Мда, этому пареньку бы я и сам мог рассказать – каково там, на войне. Да только вот вряд ли он будет слушать. Ему важнее самому как можно больше рассказать. Навешать лапшу на уши.

– Со временем сами всё узнаем, – откликнулся я.

– А ты чего такой? – спросил сиплый. – Мы же к вам с добром, можно сказать, с открытой душой. А ты в неё сморкаешься своим отношением. Или ты борзый какой? Или за спиной кого имеешь?

Вот и пошли вопросы. Тут как не отвечай, а всё одно найдут способ докопаться, да потом ещё и виноватым выставят. Сам бы я ответил так, что им потом и спрашивать не захотелось бы, но кругом люди. Если возникнет свара, или драка, то ссадят с поезда и кукуй до следующего прихода.

– Я обычный, – буркнул я в ответ. – Мы едем сами по себе и никого не трогаем. И нам вовсе не нужны неприятности.

– Малой, так неприятности никому ненужны. Они как названные гости – приходят сами, а потом хрен отделаешься. Вот так же америкосы пришли во Вьетнам... Суки...

Он что, собрался играть на патриотических нотках? Железный занавес решил лизнуть?

– Думаешь, так легко – просыпаться среди проклятых джунглей? – начал спрашивать сиплый. – Вот просыпаешься, встаешь и не знаешь – удастся ли тебе лечь поспать сегодня или упадешь с простреленной башкой? Там это тебе не тут... Кстати, а почему это вы едете так поздно? Как же курс молодого бойца?

– А это вон, батя Лехи подсутился, – Сергей кивнул на рыжего. – Мы прошли курс дома, а уже едем напрямую на учебу.

Я едва не усмехнулся. Блат он и в Африке блат.

Как там было в переделанной песне? "Блат ты мне или не блат? Рад ты мне или не рад?"

– Ясно, это чтобы мамкины пирожки подольше не высিরались, – усмехнулся приклатенный. – А вот у нас такого не было. Сразу же после присяги в полымя кинули. С проклятой буржуазией сражаться... Они ведь знаешь... Больницы бомбят, дома взрывают, напалмом целые деревни выжигают.

Чешет, как будто политинформацию читает. Прямо по памяти газетную статью цитирует.

– Ребят, всё это интересно, но давайте как-нибудь в другой раз нам расскажете? Сейчас нам надо себя в порядок привести, да ещё и обедом заняться, – проговорил я.

– Обедом? Так мы с этим можем и помочь. Заодно расскажем, как Сайгон отстояли, – хмыкнул сиплый.

Во как, хотят на хвоста упасть. Пожрать на халяву, пока станут байками по ушам ездить. Ну да не на тех напали. Хотя, судя по тому, как заблестели глаза у моих спутников – на тех. Эти балбесы ведь на чистую воду принимают лапшу, которую им охотно вешают на уши.

– Ребят, а разве у вас не секретная миссия была? – спросил я. – Разве о ней можно распространяться? Ведь СССР как бы в войне-то не участвует...

На меня сверкнули злым глазом. Вот я реально был неудобной косточкой для этих псов.

– Нам можно, мы контуженные, – проговорил сиплый. – Я вон всё здоровье в подземных ходах потерял. А там тараканы размером с палец, скорпионы, мухи цеце...

– Подожди, а разве мухи цеце обитают во Вьетнаме? Они же вроде как только в Африке водятся? Или они через Индийский океан на ореховых скорлупках переплыли?

Моя улыбка бесила двух парней больше всего. Им никак не удавалось оседлать гребень волны разговора. Я постоянно их с неё сбивал.

– Это америкосы завезли, чтобы легче было вьетнамцев истреблять, – процедил сиплый.

– Понятно, – кивнул я. – Динозавров там не было? Чтобы с самолетов сбрасывать?

– Там было много умников... Вот вроде тебя, – протянул прибалтанный. – Но как только начались ковровые бомбардировки, так от умников и следа не осталось. Какие-то засранцы получились...

Конфликт между нами понемногу накалялся. Всё-таки ссоры было не избежать. Я не давал парням присесть на уши друзьям, а они явно не собирались просто так сваливать в туман. Похоже, что придется нам всё-таки куковать на вокзале.

– Ребят, у нас тут яички остались, – послышался дребезжащий голос того старика, которого недавно угощал медом. – Вы их возьмите себе, а то ведь испортятся...

Он уставился на парней, взглядом зацепился за наколотые на пальцах перстни. Моментально оценил обстановку и присел рядом с парнями. Протянул мне газетный сверток с пятью яйцами. После этого снова воззрился на парней

– Ты чего, отец? – спросил сиплый. – Принес покушать и спасибо на этом.

– Хиляйте отсюда, босота, – проговорил вполголоса старик. – Тут вам ничего не отколет. Ребята едут со мной.

– Может ещё и обзовешься, отец?

– Я самый обычный пассажир. Вот только Кириюшу Конторского знаю. В друзьях он меня числит, так что жутко обидится, если меня вдруг кто посмеет огорчить.

Всё это было сказано негромко, но как-то весомо. Вроде как имеющий уши, да услышит. Похоже, что парни услышали.

Парни переглянулись, потом уперлись ладонями в колени и встали. Сиплый зыркнул на меня злым взглядом, но вслух произнес:

– Мы же так, хотели пожелать хорошей дороги и приятного пути. Спите спокойно, друзья-товарищи. Приятного аппетита и приятных снов.

Они двинулись вдоль по коридорчику. Мужчина с газетой "Советская культура" проводил их насмешливым взглядом. Похоже, что он понял – зачем подходили эти двое.

– Спасибо вам огромное, – сказал я старику. – Присели рядом и давай про Вьетнам задвигать...

– По поездкам всякие-разные шляются, – вздохнул старик. – Но вы, ребята, не робейте. Держитесь друг дружку и тогда не пропадете. Кушайте яички, а то вот они как раз пропасть-то и могут. Вы же до Москвы едете? Эх, жаль, что мы вскоре выходим... Ну да ладно, там немного останется.

– Спасибо вам! Спасибо! – вразнойбой ответили мои спутники.

Старик кивнул, махнул на прощание рукой и двинулся на своё место.

– Ребята, нам нужно организовать дежурство на ночь, – проговорил я, когда исчез старик. – Каждый по два часа караулить будет. В случае чего криком поднимет остальных. Потом от пассажиров отбрешемся, что кошмар приснился. Зато нас не обчистят.

Со мной согласились. Даже составили план дежурств. Тем временем за окном сгустились сумерки. Понемногу начала подкрадываться ночь.

Я отстоял первым, разбудил Серегу.

Прокололся на сне Мишка Ерин. Это я понял, когда моей шеи коснулась холодная полоска стали, а в ухо просипело:

– Не пыли, тощий. Пикнешь – мы тебя и твоего дружка в расход пустим.

В жизни всякое бывало, поэтому я не был удивлен происходящему. Поудивляться можно будет потом, когда всё закончится. Сейчас же голова должна поработать в направлении освождения и минимизации ущерба.

И вот как на зло, голова-то как раз и отказывалась над этим работать. Уши словно заложены ватой. Сквозь них пробиваются звуки, но как-то отдаленно. Такой же ватой проложен и весь мозг – как будто нечто ценное положили в ящик и ещё сверху соломки накидали, чтобы не разбилось при транспортировке. А это нечто ценное болело с такой силой, что ломило в висках и вот-вот грозило разорваться.

Мысли не метались в поисках решения, а медленно прогуливались. Как довольные жизнью горожане по чисто выметенной набережной в знойный вечер. А тут требовалась вся сосредоточенность и концентрация.

Я медленно поднялся и сел. Видел, как Мишку Ерина поднял второй парень с наколками на пальцах. Мишкин взгляд осоловело блуждал по нашим местам.

Кругом свет приглушен. Никто не разговаривал и не шумел. Только равномерное «чух-чух» создавало звуковой фон.

Колеса поезда как будто насмехались над нами:

– Чух-чух, вам кирдык! Чух-чух, вам каюк!

Колесам неведома жалость... Они перевезли слишком много людей, чтобы оставить хоть для кого-то сочувствие.

– Вставайте и не шумите. Не надо будить других людей, – почти вежливо просипел негромкий голос.

Я попытался что-то ответить, но язык во рту словно превратился в сучковатое полено. И теперь это полено цеплялось за зубы, не давая вымолвить и звука. Перед глазами плыло и покачивалось. Жутко хотелось спать.

Меня прошиб холодный пот. Я понял, что с нами произошло. Такое уже было в прошлом, когда лейтенантами собрались отмечать мальчишник одного из друзей. Собрались в сауне, пригласили девчонок для развлечения и поддержания соответствующего игрового настроения. Семь человек мужчин и пять девчонок.

Вроде бы всё шло неплохо. Пар выбивал пот. Градус выбивал остатки совести. Девчонки хохотали, мальчишки веселили. Анекдоты и тосты сыпались градом, как ледяная вода из шайки возле выхода из сауны.

Вот только в один из моментов пришла слабость, зевота, сонливость... Очнулись мы уже без вещей и без денег. Семь человек мужчин и четверо девчонок. Как оказалось, одна из подруг промышляла клофелином, вот и решила проверить «акцию» по облегчению карманов веселящегося народа. Втерлась в доверие к знакомой девчонке, та и позвала её на «корпоратив»...

Нашли её спустя полгода в другом городе, когда уже восстановили по новой документы. Мы были одни из нескольких десятков потерпевших. Как только эта коза жива осталась? Ведь

она и не только небогатым подливала, но и авторитетным людям... После суда её судьба была неизвестна, да мы особо и не интересовались.

Но вот симптомы пробуждения были очень и очень похожи. Ноги были вялыми и больше походили на щупальца осьминога, которые то и дело норовили скрутиться в спираль. Руки тоже не выказывали желания сделать тектоник.

Теперь понятно, почему Мишка не смог удержаться ото сна – после того, как днем побухали, непонятное снотворное сделало своё коварное дело. Я ещё потом удивлялся – как другие держались? Может, не таким уж и сильным было лекарство у поездных жуликов. А может молодой организм переработал и не дал свалиться раньше времени.

– Не дергайся, а то я последнее время нервный, – прошипел сиплый, когда меня качнуло от движения поезда.

Кругом все спали. Никому не было интересно – куда это посреди ночи направились четверо молодых людей. Пассажиры спали сном советского гражданина...

А вот направляли нас в сторону тамбура явно не для того, чтобы угостить куском торта. В спину упирался кончик ножа на уровне почек. Он то и дело покалывал кожу, как будто пытался распробовать кровь на вкус.

Всего несколько метров, чтобы привести себя в порядок! Но они есть у меня и ими надо воспользоваться в полной мере!

Попытаться сейчас броситься на прикурку с ножом означало начало боя, в котором могли пострадать другие пассажиры. Да и пока я развернусь, пока попытаюсь ударить... Нож запросто сделает дырочку – потом не запломбируешь.

Каждый шаг – резкое напряжение и расслабление мышц. Надо заставить кровь двигаться быстрее. Я подал сигнал в мозг, что скоро нас могут убить. Я специально начал вызывать в себе чувство дикого страха. Просто ужаса. Всё для того, чтобы прочистить голову. Адреналин уже начал своё действие – колени ощутимо подрагивали.

Да и в голове уже перестали шуметь ветра.

Поднять руки и помассировать-растереть уши. Пусть я их едва не оборвал, но зато сонливость уменьшилась. Со стороны казалось, как будто я пытался удержать голову от взрыва изнутри. Пусть так кажется. Пусть...

Вот и серый тамбур с въевшимся в металл запахом табачного дыма. На полу две холщовые котомки. Вроде бы их раньше не было у татуированных парней? Они собрались сходить?

Тогда тоже плохо. Если скоро остановка, то запросто спрыгнут из тормозящего поезда и поминай как звали. А в тамбуре на грязном полу останутся два молодых человека, которым не повезло повстречать мошенников на жизненном пути.

– Ну что, промокашники, сейчас уже не такие борзые? – спросил сиплый, когда нас толкнули к стенке. – Что сейчас скажете?

– А что говорить-то? – у меня всё-таки получилось совладать с языком и вытолкнуть наружу слова.

– Скажите: «Простите, дяденьки, засранцев!» Тогда может быть вам только уши отрежем, – со смешком протянул приبلатненный.

– Товарищи, – получилось вытолкнуть у меня. – Мы...

– Тамбовский волк тебе товарищ! – хмыкнул сиплый и неожиданно ударил кулаком в солнечное сплетение.

Я успел немного привстать и кулак пришелся ниже. Но всё равно от этого удара меня согнуло и бросило на пол. Я едва не плюхнулся носом в харчок.

– Вам деньги нужны? – послышался голос Мишки. – У нас их немного.

– Да мы знаем, – хохотнул приبلатненный. – Уже прошмонали ваши барабаны.

От удара адреналин сильнее разошелся по крови. Сонливость если не спала полностью, то ушла подальше.

Что же, если нас ограбили, а сейчас хотят ещё и поизгаляться, то надо принимать бой. Пусть и тяжело, пусть и больно, но от этого никуда не деться. Мысли перестали прогуливаться по вечерней набережной, а дружно рванулись марафоном по направлению к спасительному выходу.

Бой в тамбуре опасен тем, что сам процесс мордобоя проходит в замкнутом пространстве, а это уже ограничит меня и претендента на отсутствие целостности моей зубной полости.

Каким бы вы мастером и каким разрядом не владели, драка в замкнутом пространстве немного иное и требует обратить и вести себя немного иначе, чем при бое на открытой местности. Ну да ребята думают, что имеют дело с двумя испуганными курсантами, а на самом деле сейчас с пола поднимается матерый зверюга, который такую шантрапу на кулак наматывал десятками.

Когда-то давно я пришел из школы с синяками. Отец тогда посмотрел моё лицо на свет, спросил: «Сколько было?» Я ответил: «Два брата Котовых. Меня ударил один, а потом влез второй». Тогда отец сказал: «Ударил один? И ты ждал, пока он в тебя попадет?» Я кивнул, так как врать не хотелось. Тогда отец мне и сказал важную вещь, которую я запомнил навсегда...

– Ну чо, где ваше «Дяденьки, простите засранцев?» – хмыкнул сиплый. – Или мне ваши хлебала на лоскуты порезать?

– Дяденьки... – послышался голос Михаила.

Вот ещё чего не хватало – идти на поводу у этих козлов! Злость смешалась с агрессией. Этот коктейль выбросил прочь всё сонливости.

Ну что, дяденьки, готовьтесь стать засранцами!

– Мишка, – сказал я, всё ещё согнутый. – Когда драка неизбежна, то бей первым!

С этими словами я схватил сиплого за ноги и дернул на себя.

Глава 5

Падение сиплого обернулось для нас как нельзя лучше. Он взмахнул рукой и выбил нож из руки офигевшего приبلатненного. Тот точно не ожидал подобной прыти от того, кто только что корчился от боли на полу.

Эффект неожиданности очень сильный эффект, поэтому глупо было бы им не воспользоваться. Я шагнул вперед, при этом пристукнув пяткой в пах упавшего сиплого. Хорошенько так пристукнув, чтобы тот выпучил глаза и забыл хотя бы на несколько секунд про сопротивление.

Сам же схватил приبلатненного за шею и быстро-быстро влепил с пяток ударов локтем правой руки.

В тамбуре особо не размахнешься, но вот с локтя удары в челюсть прошли как по маслу. Голова приبلатненного пыталась мотнуться в сторону, но ладонь не давала увернуться. Шестой удар пошел в висок...

За это время я решил, что если и убью, то будет считаться самообороной. Время уходило, и моя неожиданная атака теряла свой эффект. Приблатненный не хотел засыпать от ударов в челюсть, поэтому и пришлось добавить повыше. После такого удара он закатил глаза и сполз по стенке.

– Ссссука! – простонал сиплый, шаря по полу. – Я тебя сейчас...

Шарил он одной рукой, второй зажимал пах, как будто ладонью пытался остудить бушующий там пожар.

– Хочешь сказать: «Дяденьки, простите засранцев!» – я спародировал его голос.

И в это время его рука наткнулась на рукоятку отлетевшего ножа...

Ну почему все эти ублюдки так уверены в силе металла? Чуть что хватаются за нож или за пистолет? Руками-то порой эффективнее можно нанести поражение. А уж ногой тем более!

Я коротко размахнулся и отправил сиплого в путешествие к его другу. От взмаха его руки рюкзаки упали на пол, из них посыпались кошельки, документы. Напоролся на Мишкины глаза размером по пять копеек. Советских пять копеек, если вы понимаете, о чем я.

– Миш, быстро вызови полицию. Они где-то по поезду шляются. Спроси у проводниц, если что. Я пока что свяжу этих гнид! – скомандовал я.

– Какую полицию? У нас нет никакой полиции, – ошалело проговорил Михаил.

Вот же ж жеванный каблук! Оговорился! А ведь обещал вести себя аккуратнее.

– Да это чо-то у меня в башке перемкнуло. Милицию, конечно, Миш, милицию, – проговорил я. – Проводницу найди и всё объясни, она быстрее поможет. В наш вагон не ходи, тебя та тетка точно запомнила. Лучше из соседнего вагона подтяни.

Он кивнул и дернулся в другой вагон, перешагнув через лежащего сиплого. Зацепился за упавшие сумки и сам едва не растянулся. Из сумки высыпались не только зелененькие паспорта и красные партбилеты, но ещё и броши, цепочки, кольца.

Эти двое весь вагон обнесли? Ни хрена себе...

Когда Мишка с горем пополам перешел в другой тамбур, я стянул с сиплого рубаху. Перевернуть на живот и связать руки за спиной было не такой уж большой проблемой. Да, неудобно, но если знаешь, как брать «языка», то неприятностей не возникнет.

С приблатненным тоже не было проблем. За семь минут, пока Мишки не было, я упаковал обоих «пассажиров». Прямо бери и бросай в «воронок». Оба дышали, но были в беспмятстве. Сиплый ещё и улыбался. Может быть, ему снилось, как он гуляет на бабло, которое получил, скинув награбленное?

Хм... Даже с худощавым телом я сохранил те навыки, которые сформировались у меня за долгую жизнь. Да ещё и реакция улучшилась – всё-таки молодость дает о себе знать. Я затянул узлы покрепче и уселся на корточках, выдохнув.

Адреналин начал покидать тело. Колени подрагивали. Руки тоже слегка потряхивало. Чтобы немного отвлечься от накачивающих последствий в виде апатии, я посмотрел вниз. Понятно, что я ничего не стал трогать. Всё лежало на грязном полу также, как упало.

О! А вот это старый знакомец! Тот самый мужчина, который читал «Советскую культуру». Убористым почерком было написано, что его владельца звали Александр Иванович Орлов. Время и место рождения: 9/3 – 1945 город Ленинград. В графе национальность значилось «русский».

Я помотал головой. У меня в паспорте этой графы уже не было. Как не было и специальности. А что за специальность у этого чувака? Рабочий?

Рядом валялись другие раскрытые паспорта. Зеленые корочки, имена, фамилии, маленькие черно-белые фотографии.

И зачем этим ребятам понадобились документы? Это в моё время можно было взять кредит или оформить товары на паспорт в торговых центрах техники, а тут?

Для какой цели им нужны были документы?

Что-то меня слегка цепануло. Какое-то несоответствие, но...

Вот же жеваный каблук!

Как будто сидеть рядом с двумя спелёнатыми ворюгами было для меня ежедневной забавой. Да ещё и стоять под ножами... Не, мне прогулки под пулями более знакомы.

Вскоре дверь тамбура открылась и на пороге возникли два заспанных милиционера. Кителю были небрежно застегнуты, пояса ослаблены. Похоже, что Мишка выдернул их с помощью проводника из теплых объятий Морфея.

– Чово тут? – спросил губастый мужчина лет двадцати пяти, обзвывая тамбур.

– Вот, товарищ сержант, группа курсантов Военно-инженерной академии имени Валерия Владимировича Куйбышева, задержала двух преступников. На их счету воровство, ограбление, попытка убийства, – отчеканил я, показывая на двух лежащих субчиков.

Из-за спины сержанта высунулось круглое лицо в обрамлении кудряшек. Похоже, что универсальная прическа «моток медной проволоки» главенствовал у проводниц поездов. Дальше маячил уже Мишка.

– Группа курсантов? А где остальные? – спросил сержант.

– Михаил Ерин был послан призвать вас, я охранял, а остальные отправились набираться сил после грандиозного побоища, – я с трудом не взял под козырек.

Сержант присел на корточки возле сиплого, приподнял его голову за чуб и усмехнулся. Он обернулся на младшего по званию – почти нашего ровесника:

– Сева, похоже, что мы имеем честь поздороваться с Маркушей. Вот же гаденыш, опять за старое взялся... И на ком прокололся? На молодняке!

– Никита Александрович, а кто это?

– Сучонок тот ещё. Вместе с подельником засыпали снотворное в воду для чая. Как только все засыпали, так сразу шмыркали по вещам и сходили на первой станции. Вот и сейчас бы сошли, но... Ребят, вы точно их схомутали? Может кто другой?

– Да это вот он, Сенька обоих и завалил, – по-товарищески вложил меня Мишка.

Милиционеры уставились на меня.

– Самбо занимался, – пожал я плечами.

– Ладно, Марин, пошли в твою каптерку. Там всё и запишем, – мотнул головой сержант. – Севка, помоги этих ухарей поднять. А вы, молодые самбисты, идите следом.

Упрашивать нас не нужно, поэтому мы все хором втиснулись в небольшую рабочую зону проводницы. Так как места там было катастрофически мало, то кинули воров на пол, а сами

уселись на нижнюю полку. Ни сиплый, ни его поделник так и не очнулись. Сержант с уважением посматривал на меня, я же делал вид, что на моём месте так поступил бы каждый сознательный гражданин.

Сержант выдал мне и Мишке по листу бумаги и ручке. Мы поняливо всё записали. В это время второй милиционер смотался до машиниста и оттуда связался со станцией, где мы должны были сделать остановку.

Уже на станции воров принял под белые рученьки прибывший наряд. В наш вагон забегала бригада врачей, которая быстро разбудила и осмотрела спящих. К счастью, снотворного было не так много, чтобы кого-то привести к летальному исходу. Вскоре все были более-менее в порядке. Да, схватились за вещи, по которым прошлись руки воров.

Было решено не задерживать состав слишком долго, поэтому в скором порядке организована опись похищенного. Документы вернули, а вот с драгоценностями и прочим милиция сказала четкое «нет». Сказали, что «могут возвратить изъятые предметы их владельцам, как только, сведения об указанных предметах будут закреплены в материалах уголовного дела, и необходимость нахождения предметов при деле будет исчерпана». С полусонных пассажиров взято письменное обязательство написать заявление по факту кражи, когда придут на место назначения. Были даны заверения, что ни одна вещь не будет утеряна. Все всё получают после завершения уголовного дела.

Тем, кто пытался протестовать, предложили выйти пораньше и проследовать в качестве свидетеля в отделение милиции. Только и при этом не факт, что они вернули бы похищенные вещи. Протестующие смолкли, осознав всю тщетность бытия.

После часовой задержки поезд двинулся дальше.

На нас уже не посматривали с презрением, как на загулявшую молодежь. Нет, скорее мы стали местными «вагонными» героями. Наш стол завалили сладостями и фруктами, в качестве благодарности за задержание воров. Мы не стали говорить, что в качестве исключения нам вернули деньги, чтобы не расстраивать других пассажиров. Милиция вошла в положение...

Вскоре мы прибыли на вокзал. Нас никто не встречал, да мы никого и не ждали. Нам пожимали руки, нас благодарили выходящие и говорили, что в нашем лице будут отличные защитники отечества. Мишка поглядывал на меня, а я только усмехался в ответ. Похоже, что за пиджак он больше на меня не обижался. Да, вид пиджака был не очень, но при помощи утюга его можно привести в божеский вид.

Что же, мы доехали до Москвы. Теперь пришла пора увидеть тот город, который я оставил когда-то давным-давно, улетаю в Сирию.

Как-то так получилось, что на перроне я зацепил взглядом мужчину, который читал в вагоне «Советскую культуру». Он подошел к стоящему с табличкой человеку в светлой рубашке и кивнул тому, сказав пару слов. Человек убрал табличку и протянул руку мужчине. Они оба двинулись к выходу с вокзала.

Вот только мне не понравилась табличка, которую человек опустил. На ней была написана фамилия «Козлов».

Я как-то сперва не обратил внимания на воздух. Всё в спешке, в людском потоке, смотрел под ноги и старался никого не задеть в толчее. А потом ещё и от ребят не отбиться... Всё быстро и быстро, но потом...

Когда вышли с вокзала, мне показалось, что я снова очутился в две тысячи десятом году. И всё это из-за густого смога. Нет, не смога. Жирная дымовая завеса повисла в воздухе. Солнце опять казалось медной монеткой, и жидко светило сквозь слои задымления.

Ну да, когда я очнулся, то было уже после полудня, да и в окно смотреть особо было некогда. А потом сумерки и ночь с приключениями. А вот сейчас...

Снова горят торфяники? Снова дым пошел на Москву?

– Сенька, не отставай! – скомандовал Леха. – А то заблудишься ещё.

Ну да, заблужусь... Я в Москве был уже не раз, в случае чего смогу добраться и до академии, и до любого другого места.

А вот осмотреться бы не мешало. Всё-таки это другое время. Другая страна...

Сказать по правде, когда я вышел с вокзала, то мне показалось, что я очутился на главной улице Минска – Проспекте Независимости. Всё-таки Ярославский вокзал моего времени и этот же вокзал семьдесят второго года – это суть две большие разницы.

Я помнил большое количество магазинчиков, ларьков, прямо на территории вокзала жральню с острыми куриными крылышками. А вышел... Ну да, вот прямо как будто на Проспект Независимости – фундаментальные здания. Серая масса, проступающая из дыма. Как выплывающие из тумана корабли...

Никакой рекламы, никаких кричащих вывесок. Всё спокойно и как-то буднично серо. Хотя, я глупость ляпнул – серость возникала из-за дымовой завесы. Она скрадывала краски и размывала оттенки. Верхушка гостиницы «Ленинградская» утопала в этой завесе. Все же остальные здания были более-менее узнаваемы.

Правда, не все.

Универмага «Московский», где можно было успешно потратить излишки денег, даже не было в помине! На его месте стояли невысокие трехэтажные домишки. В них жили люди. И эти люди не подозревали, что через одиннадцать лет на этом месте возникнет здоровенное здание.

Или уже не жили?

Не зря же выставили забор и пригнали кран. Похоже, что грандиозная стройка начала свои обороты.

Построят универмаг, который через двадцать лет станет самым популярным местом для «колбасных» поездов. Тех самых, когда люди ехали за колбасой из регионов и областей. Когда деньги ещё были, но в магазинах их потратить было сложно. Зато в Москве было всё как в Греции... Выгрузились из поезда, зашли в универмаг, закупились и следующим поездом обратно...

– Сенька, чего башкой крутишь? Ты опусти голову вниз, сделай лицо кирпичом и иди с таким выражением, как будто тебе всё надоело, – сказал Леха.

– Зачем это? – спросил я.

– А чтобы сойти за москвича. Чтобы не думали, что ты из деревни какой приехал.

– А не насрать ли мне на то, что подумают другие люди, которые больше никогда меня не увидят? – резонно спросил я.

Мишка Ерин хохотнул, услышав мои слова. Серега тоже улыбнулся.

– Да ты не понимаешь! – с жаром откликнулся Леха. – Если девчонки узнают, что ты не москвич, то к тебе и отношение будет другое.

– Девчонок мы ещё не скоро увидим, – хмыкнул я в ответ. – Только если в увольнение пойдем... Но и то, не очень скоро.

– А сейчас-то нам ещё до академии добраться нужно. Может с кем и познакомимся.

– Леха, перестань. Если девушке не хочется гулять со мной таким какой я есть, то есть с настоящим и открытым, то, значит, нам с этой девушкой не по дороге, – вспомнил я наставление отца. – А притворяться ради обмана – это не наш путь.

– Какой такой «наш путь»? – непонимающе уставился Леха.

– Путь комсомольца! – бросил я в ответ. – Рано или поздно обман всплывет. Так что лучше сразу обозначить все границы и с открытым забралом броситься в атаку...

Мишка и Серега расхохотались, глядя на обескураженную рожу Лехи.

– Знаешь что, Сеня? Вот как ты шарахнулся с полки, так у тебя шарики за ролики заехали, – покачал он головой.

– Может быть. Но порой лучше сказать маленькую правду, чем громоздить невероятные этажи небоскреба лжи, – хмыкнул я в ответ. – Вот что за туман такой над Москвой-рекой?

– Какой Москвой-рекой? – непонимающе уставился на меня Леха. – До реки тут ещё шлепать и шлепать. Или ты про дым? Так это торфяники горят. У нас тоже такой туман стоит...

Мда, с аллегориями лучше помолчать. Я обратил внимание на стоящие поодаль автоматы с газированной водой. Они походили на те самые, какие были в фильме про Шурика.

Вот же ж жеванный каблук! А ведь я такие помнил!

Я застал то время, когда за одну копейку можно было купить порцию чистой воды, за три – с сиропом. Некоторые модели могли наливать только один вид газировки, в других же была возможность выбрать сироп. Самыми популярными тогда были «Груша», «Барбарис», «Тархун», «Крем-сода» и «Колокольчик». При желании можно было наливать воду не сразу, а бросить в монетоприемник еще три копейки и получить вторую порцию сиропа.

Среди мальчишек редко у кого не было пробитой гвоздиком трехкопеечной монеты с леской в дырке – чтобы при жаре не тратить деньги, которых почти никогда не было. Чтобы взять и выпить стакан холодной воды с сиропом, а потом вытянуть обратно монетку – до следующего раза.

У меня такой не было. Вернее была, но отец один раз поймал на подобном жульничестве и покачал головой: «Сень, люди старались, делали, а ты пытаешься обмануть. Пусть это всего лишь мелочь, но эта мелочь идет на развитие страны. И твои три копейки могут помочь кому-то на Крайнем Севере. Ты в следующий раз лучше спроси у меня, чем заниматься такими делами!»

В ту же минуту я отвязал леску и забросил монетку внутрь автомата. Даже не взял стакан с водой и сиропом – угостил проходящую мимо старушку. Отец тогда одобрительно кивнул.

– Может, по стаканчику воды? А то так есть хочется, что даже переночевать негде, – закинул я дежурную шутку и кивнул на автоматы.

– Как-то ты непонятно шутишь, Семен, – поджал губы Леха. – Ну да ладно, спишем это на удар башкой.

– Вот если я тебе сейчас по шее дам, то тоже спишешь на удар? – нахмурился я.

– А ты попробуй, – насупился Леха.

– Эй, вы чего? – встал между нами Мишка. – Вот ещё придумали глупостями заниматься. На пустом же месте свару устраиваете.

– А чего он? – буркнул Леха.

– Ты прав, Миш, – кивнул я в ответ и протянул руку. – Скорее всего, это не выпался. Лех, извини. Нервы...

– Лечить надо нервишки-то, – Леха всё-таки пожал протянутую руку. – Ладно, пошли на водопой.

Мы подошли к автоматам. Я покопался в небольшом кошельке и вытянул копейки. Заказал себе «Крем-соду». Бурной струйкой в стакан ударила газировка с сиропом. Она была той самой, холодной и сладковатой. Какой я помнил её... Пузырьки ударили в нос, а вкусовые сосочки завывали от радости.

Когда выпил, перевернул и нажал на решетку. В стакан ударили снизу струйки воды, омывающие стенки. Приятная волна пробежала по спине.

Вот вроде бы и газета, и документы, и здания без рекламы, и даже водка... Но нет, окончательно я поверил в то, что попал в прошлое именно сейчас, выпив стакан газировки за три копейки.

– Ребята, а хотите... – чуть не сказал «прикол», вовремя одернул себя. – Шутку?

– Ну давай, – следующим к аппарату подошел Михаил.

– Когда Хрущеву в Америке показывали капиталистический быт, то показали и подобные автоматы с газировкой. Мало того, эти автоматы были ещё и умными – они могли определить пол человека и мужчине налить апельсиновый сироп, а женщине вишневый. Вот подошел тогда

Никита Сергеевич, закинул монетку, а ему... газировку с вишневым сиропом. Конечно же он ох... удивился! и забросил ещё одну монетку. А автомат ему снова вишневый напиток.

– Это как так? – спросил Серега.

– А оказалось, что устройство оснащалось простым фотоэлементом, реагирующим на изменения в освещении. Когда к автомату подходила барышня в платье или юбке, свет прикрывался одеждами, и аппарат выдавал вишневый сироп. Соответственно, мужчины, одетые в узкие брюки, получали апельсиновый напиток. Никита Сергеевич же, питавший слабость к объемным рубашам и широким штанам, не был распознан как мужчина. Из-за размашистого силуэта фотоэлемент принял наряд советского лидера за женский.

– Ну да, это недоработка фотоэлементов, – сказал улыбающийся Леха. – Если ноги сузить, чтобы между ними не было просвета, то они бы приняли и обычного мужчину за женский силуэт.

Ребята заспорили о свойствах фотоэлементов. Мы двинулись в сторону метро.

Глава 6

Метро! Вот прямо метро!

Если можете представить себе метро без рекламы, то представьте! Стоит ларек «Союзпечать». Стоят турникеты с прорезями для пятикопеечных монет. Идут люди, сосредоточенные, улыбающиеся, серьезные, разные... Мужчины в основном в рубашках с коротким рукавом, но есть и в пиджаках.

Женщины в платьях в горошек, в блузках и юбках. Молодые, старые, пожилые, юные. Разные. И точно такие же, как и в моё время. Может, только скромнее одеты и не так много косметики на лицах.

И запах... Тот самый запах, какой прошел сквозь года. Даже когда я последний раз спускался в метро «Комсомольская», то запах был таким же. Так пахнет в обувном магазине, где много обуви и картона. Пахло кожей и бумагой. Слегка отсыревшей бумагой, как будто давно не проветривали магазин.

А турникеты? Турникеты словно из мультика «Ну, погоди!». Кстати, похожие до сих пор можно увидеть в Минске. Это выпрыгивающие заграждения особой вредности, которых хлебом не корми – дай шарахнуть по ногам проходящих.

Если зазеваешься или споткнешься, то рискуешь получить пенделя – не задерживай очередь, гражданин. Проходи и вливайся в поток. Проходи в красоту...

Нам надо было перейти на Комсомольскую. Мы двинули туда. Ребята с опаской вступили на ступеньки эскалатора. Я же человек бывалый и уже не раз катался на подобной ленте.

Станция «Комсомольская» была по-своему прекрасна. В северном торце станции – лестница, ведущая в небольшой купольный аванзал. В куполе свода, украшенного золотой смальтой, изображена красная пятиконечная звезда с расходящимися во все стороны золотыми лучами. В центре аванзала подвешена массивная многорожковая люстра.

Вот хочешь не хочешь, а всё равно будешь башкой крутить по сторонам.

Длинный и широкий коридор выводит из аванзала к эскалаторному тоннелю. Эскалаторный тоннель в свою очередь выводит в наземный вестибюль, общий для обеих станций узла. У этого вестибюля восьмиугольный объём под большим куполом. Купол украшен лепниной и фигурными барельефами трубящих горнистов. По оси купола две подвесные люстры, по всем углам – большие торшеры. Стены облицованы светло-бежевым мрамором.

Ощущение, как будто находишься в музее!

И конечно же то самое изречение Сталина: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Ехать до адреса академии было не так уж далеко – всего лишь до станции Курская. Одна остановка! Да, вагоны кольцевой не те, что сейчас, но они всё равно довозят до места.

Мои ребята нервничали, посматривали на черное жерло тоннеля, из которого вот-вот должен был появиться сине-зеленый червь мытищинского производства. Подергивался даже Леха, хотя и пытался показать из себя бывалого москвича. Он то почесывался, то оглядывался, то лишний раз сверялся с табличками адресов назначения.

Я же улыбался про себя. Вспоминал, как сам в первый раз мальчишкой попал в метро и почему-то ужасно боялся, что меня засосет в место, куда убегают ступеньки. Вот оступлюсь, шнурок развяжется и всё – будет Сенька намотан на крутящие элементы.

– Ну что, когда там поезд? – нарочито спокойно спросил Сергей.

– Вот-вот должен появиться, – произнес Михаил.

– Если что, то прыгайте вперед и занимайте места, – сказал Лёха.

– Отставить прыгать вперед, – буркнул я. – Сначала выйдут пассажиры, а потом уже войдем мы. Иначе получится неразбериха и кто-нибудь может пострадать.

– Пострадать? – деланно удивился Лёха. – Как это?

– Алексей, всё просто. Ты сунешься вперед. Выходящий будет считать тебя нормальным, адекватным человеком и поторопится освободить место. Вы можете столкнуться и в итоге нога одного из вас попадет в щель между вагоном и перроном. Самое малое это ссадина, а вот тяжелее будет перелом. Всё понятно? – спросил я.

– Как не понять, – хмыкнул Лёха. – Расписал так, как будто сам всё видел.

– А тут и видеть-то не надо. Нужно только голову включить.

– Задавака!

– Раздолбай!

– Ребята, вы снова? – укоризненно спросил Сергей.

Я покачал головой:

– Мы так поддразниваем друг друга.

– Ну да, Сенька боится, а я его ободряю, – поддержал Лёха.

– Конечно боюсь. За одного рыжего смельчака, который лошадь на скаку не остановит, и в горящую избу не войдет. А всё почему? Потому что он не баба, – парировал я.

В это время из черного тоннеля подул ветром. Как будто великан зевнул и начал выдувать с силой воздух. Вскоре послышался резкий гудок, от которого люди на перроне невольно сделали шаг назад.

Из жерла важно выехал зелено-синий червь с огненными глазами. Внутри полупрозрачного туловища червя находились люди. Кто-то уже стоял у дверей, готовясь выйти наружу. Червь понемногу притормаживал, словно собрался прикорнуть на время.

Вот уже перед нами остановился вагон и двери расположились почти напротив. С шорохом и легким лязганьем двери разошлись в стороны.

Лёха обернулся на меня, в его глазах четко прорисовались танцующие чертята.

Он всё-таки решил дернуться вперед!

Я не успел его перехватить, как рыжий метнулся в выходящую толпу.

Глупо! Очень глупо! И сутолоку создал, и сам...

Его вынесли наружу. Мощный парень на вид лет двадцати в белоснежной футболке, рукава которой едва не лопались от выпирающих бицепсов, легко держал Лёху подмышки и нес так, как несут обмывать обосравшегося ребенка.

Люди рядом улыбнулись, глядя на эту картину. Лехины ноги болтались в воздухе, сам он покраснел, но вырываться не пытался. За могучим парнем вышла девушка в светлой блузке и темно-синей юбке. Она с легким испугом смотрела не на Лёху, а на парня. Но этот испуг был вовсе не тот, когда бояться, что знакомому или родному человеку сделают больно – скорее это был испуг за то, что мощный друг сделает больно рыжему нарушителю порядка. Перестарается и потом забот не оберешься.

– Пацан, тебя правилам не учили? – парень прижал Лёху к колонне. – Куда ты лезешь? Место хотел занять?

– Эй, друг, не трясина ты его так, он уже всё осознал! – окрикнул я здоровяка.

– Вы вместе? Тоже такой же наглец? – парень упер в меня взгляд.

Почти благожелательный взгляд. Таким здоровенные псы одаривают мельтешащих под ногами щенков.

– Я не наглец, – помотал я головой. – Но у нас сегодня была трудная ночь, мы только с поезда, устали, вот и мотнуло Лёху вперед. Прошу понять и простить... Он не со зла...

– Да, друг, мы в самом деле уста

ли, – подал голос и Мишка. – Так получилось, он не хотел плохого.

– Я не со зла! – пискнул Леха.

– Макар, он же не со зла, – тронула парня за руку темноволосая девушка.

Я едва не икнул. На память сразу же пришло изречение Ильфа и Петрова: «Когда женщина стареет, с ней могут произойти многие неприятности: выпасть зубы, поседеть и поредеть волосы, развиться отдышка, может нагрянуть тучность, может одолеть крайняя худоба, но голос у нее не изменится. Он остается таким же, каким был у нее гимназисткой, невестой или любовницей молодого повесы».

Это был голос моей мамы. Ирины Николаевны Ериной, в девичестве Волковой...

– Не со зла? – повторил Макар, как бы раздумывая над словами Ирины. – Может и не со зла. Но надо бы проучить хулигана, чтобы потом неповадно было.

Двери вагона закрылись и металлический червь двинулся дальше, увозя пассажиров. Нам придется ждать следующий поезд.

– Мы все за него извинились, товарищ, – проговорил я. – Может хватит уже цирк устраивать? Сколько ещё извиняться-то?

– Макар, отпусти молодого человека, – попросила Ирина. – В самом деле, не устраивай сцен, а то опять в милицию попадешь.

– Извините, отпустите меня! – снова попытался дернуться Лёха, но крепкие руки прижимали к мрамору и не давали возможности вывернуться.

Бить же Лёха явно опасался – если так крепко держат, то что будет, когда могучий кулак прилетит по уху?

– Тогда эти алкаши сами виноваты были – нечего тебя обзывать, – огрызнулся Макар.

– А ты и рад... Ты же КМС по боксу, зачем ты их так? Они же заведомо слабее.

– Иришка, давай не здесь? – спросил Макар, всё ещё не отпуская Лёху.

– Да уж, вы ваши семейные разборки лучше дома устраивайте, – хмыкнул я и положил руку на левое запястье Макара. – Отпусти друга, товарищ.

– А может тебя рядом повесить? – поднял бровь Макар.

– Не стоит утруждаться. Эта комедия затянулась. Наш друг совершил не такое уж тяжкое преступление, чтобы нести такое наказание. Он уже всё осознал, а сейчас... Сейчас вы просто унижаете его и втоптываете в грязь его достоинство. Это не по-комсомольски, товарищ.

Макар дернул верхней губой, потом отпустил Лёху и вздернул кулак над моей головой. Я продолжал смотреть на него открытым взглядом. Было видно, что он не ударит, а только хочет испугать. Чтобы я отпрянул и закрылся от возможного удара.

Испугать? Меня? Да уж, если бы этот молодой и ранний только знал, сколько я повидал, то давно бы извинился и смылся потихоньку.

Ну а пока что я остался стоять и даже не дернулся. Рядом встала Ирина и укоризненно взглянула на друга. С такой укоризной ещё смотрят на провинившегося щенка, который в очередной раз наделал лужу на ковер.

– Связываться с вами ещё, – хмыкнул Макар и опустил руку на волосы, как будто собрался причесаться, но излишне резко дернулся.

Ирина взяла его за предплечье и потянула прочь. Она окинула нас небесно-голубым взглядом и отвернулась. Макар же сурово сдвинул брови, после чего двинулся за ней. Его плечи были раздвинуты в стороны, спина напряжена. Он шел так важно, как будто двигалось вовсе не человеческое тело, а бронзовый памятник строителям коммунизма.

– Какая красивая девушка, – выдохнул Мишка, глядя им вслед.

Я сделал вид, что нагнулся и распрямился, протягивая к нему руку. На ладони лежал платок с вышитой голубой каемочкой.

– Тогда чего ты ждёшь? Она оборонила платок – отдай ей. Смелее, мушкетер! – хмыкнул я.

Ну не стану же я говорить, что слямзил платок из приоткрытой сумочки, пока Макар гарцевал передо мной племенным жеребцом. Если посмотрите на меня, как на провинившегося щенка, который в очередной раз наделал лужу на ковре, то не стоит – я старался для благого дела.

Мишка с сомнением посмотрел на платок, на удаляющуюся пару. Он явно колебался. И ведь ушла бы Ирина Николаевна Ерина, в девичестве Волкова, как каравелла по зеленым волнам, если бы я не воскликнул:

– Чего ты ждёшь? Она же сейчас завернет за угол и адью!

Мишка решился. Он схватил платок и побежал следом, ловко огибая подходящих прохожих. Когда догнал, то аккуратно коснулся плеча Ирины. Она изумленно обернулась. Макар недовольно уставился на Мишку. Тот что-то сказал и протянул Ирине платок. Она посмотрела на его руку, потом на сумочку, взяла платок и кивнула.

Лицо Макара покраснело, но Мишка не стал обострять положение. Он кивнул Ирине и пошел к нам.

Мы видели, что Ирина посмотрела ему вслед. Я заметил некоторый интерес в голубых глазах. После этого уже Макар потянул Ирину прочь.

Мишка шел к нам и улыбался. Когда он подошел, я спросил:

– Ну что, что сказал?

– Сказал: «Ирина, простите, вы потеряли платок. Возьмите, пожалуйста!» – пожал плечами Михаил.

– И всё? – встрял Лёха.

– А чего ещё? Она спасибо сказала и взяла. Чего ещё говорить-то?

– Представился бы, сказал, что она тебе очень понравилась... Чего ты терялся-то? – хмыкнул Лёха.

– Главное, что ты не растерялся, – покачал я головой. – Ну да нет худа без добра. Лёха вынес один урок, Мишка другой.

– Какой урок я вынес? – спросил Михаил.

– Что если будешь долго колебаться и размышлять, то можешь потерять свой шанс на счастье, – подмигнул я.

– Так уж и шанс? Она меня и не запомнит, – отмахнулся Мишка.

– Запомнит-запомнит, ты уж мне поверь.

Я знал, что запомнит. Знал, потому что родители как-то раз упомянули о своём знакомстве. Правда, мама не говорила, что в то время она встречалась с другим молодым человеком.

– Ребят, спасибо, что заступились за меня. Сень, тебе особое спасибо. Я бы моргнул, если бы этот здоровяк на меня замахнулся. Нет, не испугался, но моргнул бы от неожиданности. А ты вон как... Даже не пошевелился.

– Да ладно, мы же как мушкетеры, – улыбнулся я. – Вон и платок отдали... Какой там был девиз? Один за все и все за одного!

С этими словами я сделал жест из фильма «Три мушкетера», то есть соединил указательный и средний палец, а потом положил на кисть руки.

– Сень, если ты хочешь померять пульс, то тебе следует развернуть руку, – с усмешкой сказал Лёха. – Вот так. Вот тут вот находится лучевая артерия.

– Какие глубокие познания, – хмыкнул я в ответ.

– Какие познания? Мы же вместе курс молодого бойца проходили. Там и научили, как правильно измерять пульс у упавшего человека. Ещё на сонной артерии. Так что ты делаешь всё неправильно.

В это время снова пахнуло ветром. Новый поезд примчал, чтобы отвезти нас ближе к пункту назначения. На этот раз Лёха не полез вперед, а терпеливо дождался, пока выходящие пассажиры вышли.

Ехать нам всего одну остановку, поэтому не стали даже садиться. Простояли весь путь, покачиваясь в такт подергиваниям вагона.

Ребята внимательно вглядывались в темноту стен, проносившихся за стеклами вагонов. В отражении виднелись четверо молодых ребят. Короткие стрижки, почти под ноль, ушастые, готовые вот-вот расхохотаться. И в то же время озабоченные грядущим.

Что будет? Что дальше произойдет? Какое будущее готовит Москва, которая вообще слезам не верит?

На станции «Курская» мы вышли. Конечно, нам предпочтительнее было бы выйти на «Чкаловской», но об этом мы узнали позднее. Пока же мы вышли и начали озираться в поисках каких-либо указателей.

Я подошел к старичку в соломенной шляпе и парусиновом костюме. Ему только седых бровей не доставало и седой бородки, чтобы быть похожим на Хоттабыча.

– Извините, пожалуйста, не подскажите, как пройти на Покровский бульвар? – спросил я с широкой улыбкой на губах.

– А? Что? – уставился на меня старичок.

– Как пройти на Покровский бульвар, дедушка? – сказал я уже громче.

– Что-что?

– Как пройти на Покровский бульвар? – уже чуть ли не на уровне крика голодной чайки завопил я.

– Чего орешь-то, молодой человек? – укоризненно спросил дед. – Приехали в Москву и давай орать! Скромнее надо быть, а то ишь... понаехали.

Я едва не прыснул от таких знакомых интонаций. Мда, похоже, что люди вообще не меняются.

– Извините, пожалуйста, как пройти на Покровский бульвар? – ещё раз обратился я безо всякой надежды на успех.

– Вон, по Земляному валу шуруйте до улицы Обуха. Дальше на неё поверните и как раз упретесь в Покровский, – махнул рукой старичок.

– Спасибо, дедушка! – от души поблагодарил я и кивнул своим друзьям.

Мы пошли, а в спину нам раздалось:

– Даже «спасибо» не сказали. Эх, молодежь... Сначала орут, потом ведут себя по-хамски... Понаехали...

Глава 7

Летящей походкой мы добрались до розоватого здания академии. Нас выслушали, поняли и направили по нужным инстанциям. Желтоватое здание казармы располагалось рядом с академией в Подколокольном переулке, буквально через дорогу. Нас послали по нужному адресу, где выдали форму, обувь, белье.

Сколько нам предстояло учиться? Программа нашего факультета военно-промышленного строительства рассчитывала отобрать от нашей юности целых пять лет.

Кем мы выйдем из ворот по истечении пяти лет? Академия должна подготовить из нас военных инженеров-строителей. Мы должны научиться проектировать и возводить здания, а также различные сооружения преимущественно военного назначения.

Конечно это не всё. Мы ещё должны были получить такие знания, которые необходимы для службы в инженерных войсках на командно-технических должностях. В реальности это означало, что мы должны были освоить не только курс технических дисциплин по своему профилю, но также тактику, артиллерию, фортификацию.

Но и это еще далеко не все. Справедливо полагая, что командир армии Союза Советских Социалистических Республик должен быть всесторонне образованным человеком, руководство академии включило в программу обучения и ряд общеобразовательных дисциплин. Многие предметы казались нам лишними, совершенно ненужными, напрасно отнимающими время.

Однако, это больше походило на детские школьные упреки – зачем мне знать о синусах, если никогда в жизни я о них не вспомню? Или вспомню только когда буду учить уроки со своими детьми.

В принципе, военный быт мне не в новинку. Просыпаться в шесть утра можно без проблем, если настроил свой организм на ранний подъем.

Своего рода обучение в военном училище – испытание на прочность. Ты живешь по строгому регламенту, сам мало что решаешь. Время распределено четко и грамотно. Это очень дисциплинирует. Если вы готовы отказаться от обычной – гражданской жизни, гулянок и ограничить свободу, то можно решиться на подобное обучение.

Я решил в своё время и ни грамма об этом не жалею.

В четверг двадцать четвертого августа двадцать пять молодых рыл проснулись под команду: «Курс, подъем!» Быстро открыли все окна и откинули одеяла с постели, чтобы проветрить комнату.

Ровно через 5 минут мы должны стоять в штанах и с обнаженными торсами на улице. Должны, но из-за Лехи задержались на целую минуту, за что получили недовольный взгляд сержанта и наказание в виде двадцати отжиманий. После этого нас ждала небольшая пробежка километра в 3, и стандартный комплекс упражнений.

Моё новое тело не стонало и не ныло. Похоже, что бывший владелец был весьма дружен со спортом. И отсутствие мышц компенсировал жилистостью и упорством. После этого мы отправились в казармы. Тренироваться во время дыма от горящих торфяников, это то ещё удовольствие, скажу я вам. Хотя, по утреннему холодку дым не так уж сильно ощущался.

Нам дали полчаса, чтобы умыться, побриться, заправить кровати, привести себя и форму в порядок тем, кто не успел вечером, и уже в семь пятнадцать мы должны были стоять на утреннем осмотре у старшины подразделения. Старшина проверил наш внешний вид, как выглядит форма, обувь, а также как заправлена кровать. Леху и Мишку отправили переделывать.

После завтрака мы были отправлены наводить порядок на территории академии и жилого дома. Согласно поговорке "Листья падают только на первом курсе" все наряды, караулы, горы картошки в столовой – вся эта прелесть была нашей.

Вечером нас собрал сержант Памиров, выстроил вдоль коридора и с важным видом начал толковать прописные истины:

– Военный инженер должен уметь возводить сооружения бытового и боевого назначения. Также он должен научиться строить мосты и любые дороги, организовывать переправы войск через водные преграды. Конечно же без внимания нельзя оставлять подземные сооружения, а также бурить артезианские скважины и делать многое другое, что потребует боевая обстановка. Есть вопросы?

– Товарищ сержант, получается, что мы будем прорабами? – чуть выступил я вперед.

– Прорабами? Да вы будете гораздо лучше прорабов! Военный инженер должен освоить тактику и основы оперативного искусства не хуже любого офицера соответствующих родов войск. Вы должны иметь широкое представление о возможностях боевой техники и оружия – своих и противника, иначе трудно рассчитать оптимальные параметры и сроки возведения укреплений, мостов, дорог.

– Так мы вообще универсальные солдаты?

– Так точно, курсант. Вы с курсантской скамьи должны усвоить непреложную истину: сапер ошибается только раз...

– Второго раза уже не будет... – многозначительно произнес Лёха.

Он это сделал с таким философским видом, что глядя на его умную рожу прыснули остальные курсанты.

– Отставить смехуёчки! – рявкнул сержант. – Тут нет ничего смешного! Вы врагу улыбаться не будете? Вы должны его уничтожить, а сделать это со смехуёчками не получится. Всё поняли?

– Так точно! – рявкнули мы хором.

– Хорошо, что поняли сразу, а не по прошествии пяти лет. Что же, тогда готовьтесь ко сну, а завтра приступим к новому дню, полному событий и интересных приключений. Напоминаю, что присяга у вас будет первого сентября, так что кто не выучит присягу так, чтобы от зубов отскакивало – лучше даже не покидайте спальню. Лучше не позорьтесь...

– А если вдруг занервничает? – спросил Лёха.

– Знаешь, первое впечатление было лучше, – сказал сержант Памиров. – Сейчас тебе не следовало открывать рот... Настоящий солдат никогда не нервничает и не сомневается. Он выполняет указание или приказ старшего по званию! Все свободны. Дневальный, через пять минут отбой!

– Есть! – послышался голос Григория Скворцова, который сегодня заступил на смену.

Мы поторопились подготовиться ко сну и через озвученное время уже лежали в кроватях. Так получилось, что кровать Михаила Ерина находилась рядом с моей. Он шепнул:

– Сень, а вот та девушка... Ирина... Как думаешь, она из тех, что ты описывал? С ней нужно быть настоящим или всё-таки надо прикинуться таким разгуляй-парнем?

– Миш, с этой девушкой тебе ни в коем случае прикидываться нельзя, – ответил я. – Если вы снова встретитесь, то лучше всего быть естественным. Будь таким, какой ты есть.

– А если ей не понравится такой, какой я есть? – спросил он.

– Курсант, отставить сомнения и нервы. Настоящий солдат выполняет только указания или приказы старшего по званию. Так что мой тебе приказ – будь таким, какой ты есть.

– Но ты же не старший, – хмыкнул Мишка. – Я на два месяца старше тебя.

– И что? Не возраст определяет старшинство, а умения и навыки. Вот ты умеешь драться? Видел, как я этих двоих в поезде? Смог бы так?

– Не смог бы, – вздохнул Мишка. – А может быть и смог... Надо было попробовать.

– Курс, отбой! – прозвучала команда дневального.

После этого свет в спальне погас. Курсанты начали устроиваться поудобнее. В тишине скрипела то одна, то другая кровать.

– Курсанты, сыграем в игру "три скрипа"! – послышался голос сержанта. – Как только услышу три скрипа, так сразу же "Подъем!" и тридцать отжиманий. После этого идем по кроватям и игра начинается с начала.

На металлических кроватях трудно было удержаться от скрипа. Только если лежать выброшенной на берег медузой и не дышать.

– Первый скрип! – раздался голос сержанта через минуту после начала его игры.

Кто-то не выдержал и снова пошевелился.

– Второй скрип! – снова послышался бесстрастный голос Памирова.

Курсанты замерли, третьего скрипа не хотелось издавать никому. Кто-то начал засыпать и повернулся на бок.

– Курс, подъем! – прогремел голос сержанта. – Стройся! Пришло время заняться физической зарядкой. Если не хотите спать, то укрепляйте тело и дух!

В эту интересную игру "три скрипа" мы сыграли ещё два раза прежде, чем сержант успокоился. Не могу сказать, что она понравилась курсантам.

В пятницу, двадцать пятого августа, после обеда у нас было личное время, а после следовала самостоятельная подготовка. Во время личного времени я с друзьями отправился в библиотеку. Мозг требовал информации о мире вокруг. Вот прямо-таки чуть ли не будил среди ночи, чтобы заставить свои серые клеточки вспомнить то небольшое, что я знал о семьдесят втором году.

Со стороны старшего командования нам бы лучше читать Устав, но... Одно время было в ходу почти лирическое четверостишие:

Что глядишь на меня устало.

И глаза твои наводят грусть.

Хочешь, что-нибудь из Устава

Я прочту тебе наизусть?

Так что начитаться Уставом мы ещё успеем, как и прочитать творения великих Ленина, Маркса и прочих коммунистических гигантов. Сейчас же мозг требовал узнать что-нибудь о мире вокруг. Я спер втихаря газету из стопки свежей прессы, предназначенной для чтения старшего офицерского состава.

До прихода курсанта за газетами было около получаса. Надо поспешать. Поэтому я быстро пробежался по первой полосе, перевернул на вторую, когда сидевшие рядом Мишка и Серега спросили:

– Ты чего как собственник? Читай вслух, не одному же тебе интересны новости...

Они сидели с томиками собраний сочинений Ленина и старались выглядеть не полусонными мухами, а бодрыми огурцами. Пусть и малосольными.

– Да я потом вам отдам, – отмахнулся было я, но они вцепились бультерьерами.

– Читай. Проводи разъяснения среди окружающего тебя мира, а то мы сейчас храпеть начнем. Что там пишут?

– Да что пишут... – вздохнул я и начал зачитывать: – Мексиканские крестьяне, проживающие в долине пограничной реки Колорадо, вынуждены покидать насиженные места. Виной этому – мелиорация засоленных почв, проводимая в американских штатах Аризона и Южная Калифорния, откуда берет свое начало Колорадо. Отработанную воду, содержащую солей в два раза больше против допустимого уровня, американцы сбрасывают в реку.

– Вот же уроды, – возмутился Сергей. – И как им только не стыдно...

– Так американцы же, загнивающий мир, – покачал головой Леха, который подошел и уселся рядом, заглядывая в газету.

– А внизу, по течению, уже на мексиканской территории, эту воду используют крестьяне Мексики. Орошаемые такой водой мексиканские поля превращаются в солончаки. А другого источника воды в этих засушливых местах нет. Катастрофически падает плодородие. Во мно-

гих районах уже вовсе нельзя выращивать ни хлопок, ни пшеницу. За последние двенадцать лет загрязняемые воды Колорадо превратили в солончаки пятьдесят тысяч гектаров некогда плодородных земель, долины реки. Мексиканские крестьяне понесли огромные убытки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.